

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией В. Вишневого, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

АВГУСТ

15

ВТОРНИК 1939 год

№ 45 (824)

Цена 30 коп.

ДОЛГ КРИТИКИ ПЕРЕД ЛИТЕРАТУРАМИ НАРОДОВ СССР

Вопросы критики продолжают оставаться одним из центральных вопросов многонациональной нашей литературы...

Дискуссия о понятии культуры критики пока имеет в виду русских, и даже главным образом московских критиков...

Сейчас мы хотим поставить перед критикой (и русской и на других языках) общий вопрос о необходимости осмысления всего советского литературного процесса...

«Нельзя знать 50 языков, а переводы ничего не дают. Не делайте из переводной литературы (братских республик) принудительного ассортимента для критиков...»

Несостоятельность утверждения, что по переводам и построчникам невозможно изучать предмет, ясна сама собой (хотя, конечно, изучение языка желательно не только для переводчиков, но и для критиков)...

Наоборот, стихосложение критика в литературе, нагнанные к ней сверху вина, критическое сюсюканье и униженно и вредно для тех же литераторов или отдельных писателей...

Мы уверены, что советская литература, понимаемая как многонациональное явление, сама по себе представляет такое богатство, такой неисчерпаемый источник для критических, для научных обобщений, что вовсе не нуждается в какой-то «агитации» или «внимании к себе»...

В самом деле: в создании советской литературы принимают участие и такие древние народы с полустаринными традициями, как грузины, армяне, азербайджанцы, и народы, только обзаводившиеся своим «литературным хозяйством»...

литературе в целом и об отдельных явлениях ее. Общий счет еще не значит уравнилельный счет. Препятствия общие художественные требования к писателям разных национальностей, критик вместе с тем не должен упускать из виду тот факт, что исторически наши литературы развиваются на почве разных культурных традиций...

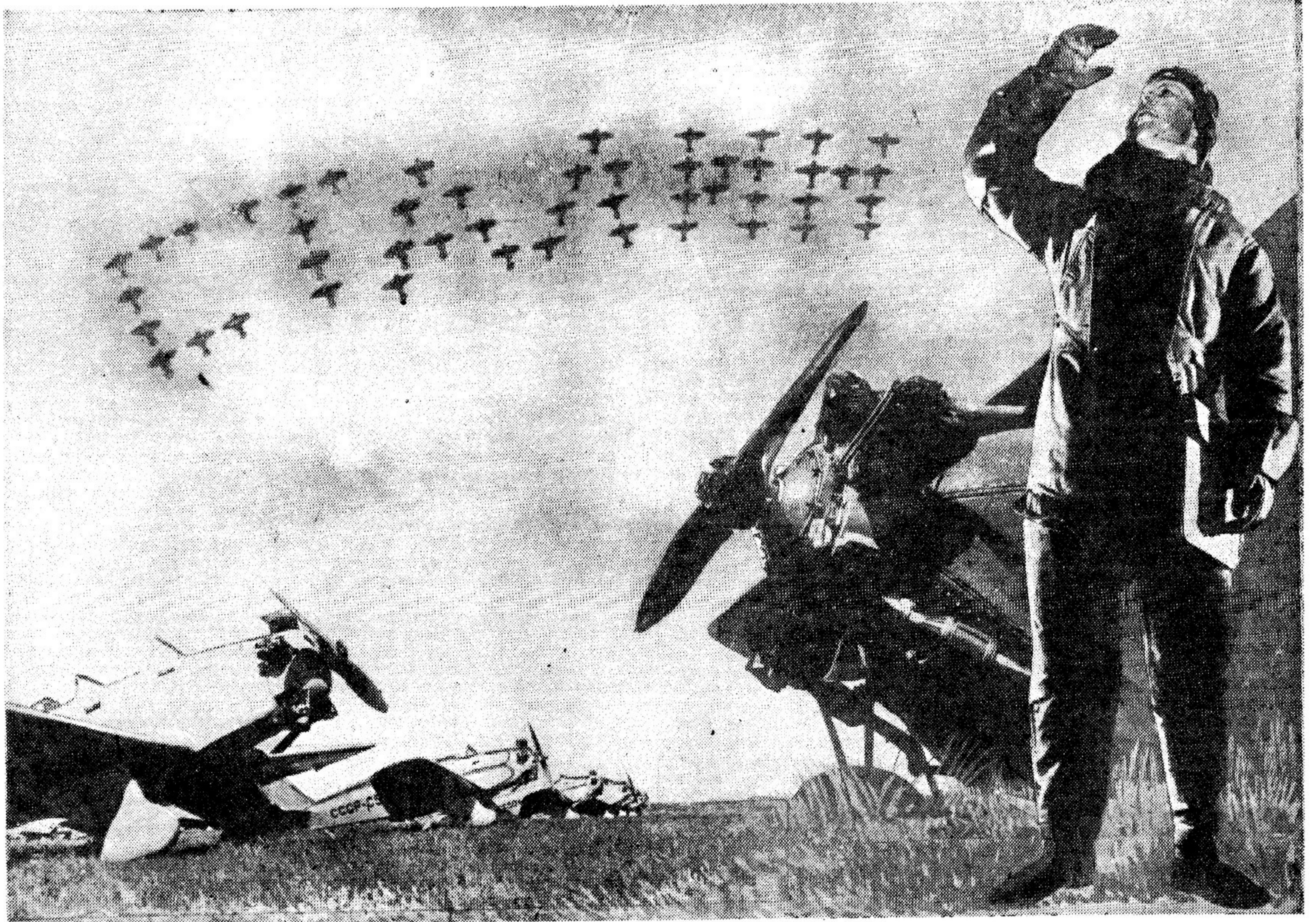
Никак не следует пивелировать наши литературы и с точки зрения тех первоочередных вопросов, которые они выдвигают перед критикой. Если — суммарно обобщая — для одних литератур важной задачей является борьба со схематизмом, за создание полных характеров в драматургии и в прозе, то для других литературы на первом месте стоит еще задача создания самой прозы, а для третьих литературы — вопросы оформления своих литературных языков и т. д.

Было бы неверно затемнять тот факт, что русский роман стоит в центре всей советской литературы, наиболее полно выражая все ее типические черты. Он имеет миллионы читателей во всех республиках. Имена русских романистов, естественным образом, оказывают в центре внимания критики. Но будет большой ошибкой для критика ограничивать свой интерес только этими явлениями советской литературы...

Борьба советских народов за социализм, вся наша кипучая жизнь многосторонне отражается в различных формах литературного творчества. И можно указать случаи, когда некоторые темы и образы нашли себе наилучшее воплощение вовсе не в наиболее развитых формах современного эпоса (чем является роман), а в народной устной поэзии. Например, нигде великие образы Ленина и Сталина не воплощены с такой силой чувства, с такой свободой художественного выражения, с такой искренностью и глубиной, как в устной народной поэзии, особенно поэзии советского Востока.

Советский литературный процесс во всем многообразии своих жанров, видов и языковых форм действительно требует к себе внимания критики. Проблемы дальнейшего развития народной поэзии, вопросы соотношения национальной формы и социалистического содержания, развития литературных языков СССР, перехода на русский алфавит, развития прозы, драматургии, обобщения тематического порядка, взаимовлияния советских литератур, роли русской литературы (современной и классической) в формировании других братских литератур — все эти и многие другие вопросы не находя или почти не находя отклика в нашей критике. Нет нужды здесь приводить примеры. Критические отзывы наших журналов и газет дают достаточно красноречивых поводов для такого вывода. А вместе с тем рост советских литератур выдвигает эти неотложные вопросы, выдвигает необходимость создания критики всеобщего характера, то есть оперирующей фактами не только в рамках одной литературы.

Мы призываем критиков, да и всех писателей (всех наших литераторов) смелее в этом отношении брать установившиеся дурные привычки, не боясь неизбежных трудностей, смелее приступать к изучению литературы народов СССР. Это долг советской критики, подсказываемый ей самой жизнью.

Ф. ПАНФЕРОВ

ВСТРЕЧИ С ВЕЛИКИМ ЛЕТАЧИКОМ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Я поехал в Васильево, над Волгой, в такой час, когда в доме все отдыхали, и старушка, соседка Чкаловых, мне по пути сообщила, что Валерий Павлович всю ночь пробыл где-то на рыбной ловле, что к нему кто-то приехал и что все утро они смеялись за столом на веранде и теперь «прилегли».

Вот и дом. Он широкими окнами, через зеленые сады, смотрит на Волгу. На балконе тихо. Только шумит падающие листья груши. Они сыплются изобильно, загибая землю желтоватым, ярким пламенем, и дом действительно кажется погруженным в дремоту...

Я остановился на балконе и долго смотрел на Волгу, на ее просторы, на ее песчаные косы. От балкона к обрыву тянется тропа. Вот она злышится спускается в долину — туда, за берег, к водам Волги... а даль — синяя, синяя и спокойная.

— Экий тихоня, — вдруг раздался чужий грубоватый, но весьма веселый окрик позади меня. Я обернулся. Валерий Чкалов стоял на пороге, весь влажомаченный, в ивижной рубашке, на которую небрежно были наброшены потяжки, и улыбался во все лицо — так, как он мог.

— Здравствуйте! — Здравствуйте, Валерий Павлович... комбриг! И не успев я еще протянуть руку, как он сгреб меня в свои медвежьи объятия и так стиснул, что у меня дух захватил.

— От души... от души, писатель... — и, шагнув в обширную комнату, закричал: — Лелик, гость явился... Видала? Смотри на него... только один миг. Из другой комнаты вышла жена Чкалова — Ольга Ермавнина и, поздоровавшись со мной, посмотрела на Чкалова так, как может мать на любимого сына-балбатура.

— «Бруски» читала? Так это вот он наворочал. Да я же тебе сама рекомендовала... Забыла? — Нет. Просто похвалиться захотел, что я первый, — и слова захлопотал так разразительно, что и мы все невольно засмеялись.

— Ну, за стол... за стол, Лелик... Командуй парадом ты. А мы... Иди-ка посмотри, — и, утянув меня на балкон, показывая рукой на волжские просторы, заговорил уже более серьезно: — Левитан. Смотри — всюду Левитан. Помнишь его картину «Над вечным покоем»? Вот она. Вот коса печальная... А там, за Волгой, — омуты, те самые омуты, какие писал Левитан. Мы, русские... И тут начался спор о русском человеке.

Из очерка Ф. Панферова, печатающегося в сборнике «Великий летчик нашего времени», выходящем в Госполитиздате.

Валерия Павловича кто-то возразил, сказав, что в русском человеке есть черты Обломова... Валерий Павлович зависал... — Обломов! Обломов спал, инкультивируемый человек был. А ты что, думаешь, русский мужик спал, русский рабочий спал? Ты, когда говоришь о русском народе, не в ту сторону смотришь — ты смотришь на чины, а надо смотреть на тех, кто трудится, кто в поте лица хлеб свой добывает и добывает.

И через несколько минут все только и слушала Валерия Павловича.

Валерий Павлович как-то притих: нет уж тех свободных, размашистых движений, пропадо ребяческое балагурство, весь он стал потянутым, строгим, и широкая улыбка на лице сменялась каким-то внутренним горем.

— Что, Валерий Павлович? — спросил я, отводя его в сторону. — Поедем со мной.

И вот мы мчимся на аэродром. И по пути, как о чем-то потрясавшем, Валерий Павлович говорит мне: — Поликарпов... знаешь... наш художник-изобретатель такую машину сварганил... ахнеш! — И что же? — Испытываю ее сегодня.

— послушай, — перебил я его — Зачем тебе рисковать? Ты же страшно нужен на другие дела. Пусть другие испытывают, а ты полетишь. Это Валерия Павловича обидело так, что мне самому стало неудобно.

— Мы что ж, герои, бычки что ль, домашние? Привязали нас к стойлу, мы и жуем. И вот мы на аэродроме. На поле стоит красная машина, какают тупорылая, похожая на осу.

Валерий Павлович подходит к машине, покачиваясь, пружиня на ногах, точно боится, что спугнет ее, а ноздри у него трепещут, и кажется: вот он сейчас крикнет на эту тупорылую птицу.

— У-ух ты, зверюга! Говори, починяешься или нет? Не то так вынул...

И вот он плавно оторвал машину от земли... оторвал и молниеносно скрылся за передеском и через какую-то секунду, словно сумасшедший, пропал над нашими головами. Казалось, это вовсе не машина. Казалось, какой-то гигант там, за передеском, со всего размаху швырнул в воздух какой-то красный чехолан и он с визгом промчался над нами. Затем еще и еще раз. Затем чехолан этот куда-то скрылся... И вдруг снова с ревом вырвался с противоположной стороны... и... что такое? Машина сразу закачалась. Ее кинуло вниз, потом вверх, потом вдруг она, задрвав нос, ринулась на лес. Столб пыли, вихрь сорванных листьев.

Люди кипучие к месту падения машины.

Среди кустарника валялась тупорылая птица. Собственно, это была уже не машина, а какие-то разорванные красные ключья. Рядом на земле лежал Валерий Павлович и крепко держал рукой затылок, из которого струей хлестала кровь.

За несколько секунд перед падением в воздухе случилась беда: начали рваться цилиндры мотора... и летчик, задрвав нос машины, кинулся на мелкий лес. Художник-изобретатель Поликарпов тут же сказал: — При такой катастрофе гибель летчика неминуема.

Тут Чкалова спасло его мастерство... И вот Валерий Чкалов снова в доме своего отца — котельника, в кругу родных и знакомых. За огромным столом — люди всех профессий: летчики, шоферы, учителя, директора заводов, колхозники. На стол мать подает пышущие паром пельмени.

— А-а, пельмени! Ай да мать! — кричит Чкалов. Он зарзавленно хохочет, рассказывая о том, как когда-то, еще в молодости, ворвался на кухню к матери и «украдкой» ушмыгал пельменем.

— Я про эти пельмени вспомнил на банкете в Америке. Заставили стол всякой всячиной. А я есть хотел и подумал: «Пельменей бы наших сюда». Тут же Чкалов рассказал об американском лавочнике, который заявился тогда к нашим летчикам и на один день выпорол у них костюмы, в которых они летели из Советского Союза в Америку. Потом оказалось, что лавочник вынесил костюмы в окне как рекламу и бойко торговал своими товарами в этот день.

Неожиданно Чкалов оборвал рассказ: он заметил, что один из шоферов, сидящих за столом, стесняется, плохо ест, вертится на стуле. И Валерий Павлович незамедленно для гостей переключился на шофера. Через каких-нибудь пять минут они уже говорили, страстно и громко о моторе... Шофер ожил. Тогда Валерий Павлович поднялся и, радуясь тому, что шофер оживился за столом, толкнул его в плечо, сказал: — А то сжулся, дядя, как перед девушкой. Чкалов любил людей и всегда был ими окружен. Иногда он выступал по несколько раз в день. К вечеру так выматывался, что пластом лежал на диване.

— Ну, зачем ло этого себя доводишь? — А как же? Люди-то ведь хотят нас послушать. Ведь когда я им рассказываю о наших полетах и они аплодируют мне, я знаю — они одновременно аплодируют и себе: без талого народа, как наш, мы никакого бы полета не свершили.

И еще одна черта — верная — это постоянная неуспеваемость Чкалова. Он слезал на остров Удл. Совершил полет в Америку через Северный полюс, вот он уже Герой Советского Союза, человек, любимый всей страной. Но он уже думает о новых полетах, еще более величественных: — Эх, вокруг шарика бы махнуть! «Шариком» он шуточно называл земной шар. Мечтой его последних лет было совершить полет вокруг земного шара.

Однажды, выступая на собрании мелководья города Горького, Валерий Павлович сказал: — Мы совершили перелет через Северный полюс не только потому, что долго и упорно изучали это дело, но и потому, что честь нашей родины, честь нашего народа мы несли на своих руках через Северный полюс.

Безграничная любовь к народу и преданность своей родине двигали Чкалова на большие героические подвиги.

Новые книги ко Дню авиации

Государственное издательство политической литературы выпускает ко Дню авиации сборник, посвященный В. П. Чкалову. «Великий летчик нашего времени». Интересные воспоминания о Чкалове публикуют его близкие товарищи по работе: Л. Фролишев — «Детство», И. Антошин — «Первые полеты», О. Чкалова — «О товарище и друге», Герои Советского Союза: М. Грозов — «Его нельзя не любить», Г. Байдуков — «О командире сталинских маршрутов», А. Беляков — «Герой нашего народа», М. Раскова — «Нам старший товарищ», шофер Чкалова Ф. Утолин — «Как я работал шофером у Чкалова». Кроме того, в первом разделе сборника напечатаны воспоминания о Чкалове Ф. Панферова — «Встречи», В. Ротштейна — «Чкалов-читатель», Л. Хвата — «На родине и в Америке» и др. «Депутат народа». Этой теме посвящен второй раздел сборника. Л. Будреватых в

статье «Чкалов у избирателей» рассказывает о поездке Валерия Павловича к своим избирателям. Здесь же публикуются статьи Мустафы Саборова «Чкалов в колхозе «Алга» и П. Родина «Переписка Чкалова с избирателями». В третьем разделе — «Народный герой» — помещены статьи Н. Ильиной «Слава героя» (о письмах трудящихся к Чкалову), М. Александрова «Чкалов и дети», сказителя Горьковской области И. Ковалева «Сказка о трех соколах». В Госполитиздате ко Дню авиации вышла из печати популярная брошюра Н. Волкова «Непобедимая авиация страны Советов». В брошюре четыре раздела. В первом разделе рассказано об авиации Англии, Франции, США и фашистских стран: Германии, Италии, Японии. Третий раздел посвящен советской авиации.

«Мужество»

Джозефа Вогеля

Мужество — одна из самых волнующих тем в современной мировой литературе. Генрих Манн недавно опубликовал книгу статей, полных гнева и горячи, под названием «Мужество». О мужественных американцах, «спавших за Испанию», пишет Эрнест Хемингуэй.

Молодое поколение американских писателей — Ричард Райт, Альберт Малли и др. — обращается к теме мужества, к изображению «непоскорных» людей, вступающих в борьбу за свои права.

О мужестве ядовитого американца, отчужденного без работы и денег, воевавшего в Испании, написал повесть молодой американский писатель-антифашист Джозеф Вогель.

Вогель знакомит нас с трагедией «маленького», униженного, но мужественного человека.

Перед нами самая обыкновенная история. Польский крестьянин Адам Воляка, приехавший в Америку в годы «спиритизма», испытывает крах всех своих надежд. Он, как и многие другие, остался без работы и теперь ищет ее и не находит. Адам хотел бы осесть на земле, но всю жизнь мечтал о ней. Ради куска земли он пошел бы на край света. Восемнадцать лет Адам собирался купить ферму. Собирался и не купил. И нам понятно его бесцельная ярость, горечь и боль, когда он узнает, что его сокровенным мечтам не дано свершиться: сточное болото в саду засало Адама. «Ранним вечером после ужина Адам выходил в сад и смотрел на горы. Земля тут видимо-невидимо, целые мили, а человек не может приложить руки к нескольким акрам».

Джозеф Вогель хорошо показывает трагедийно-наивно-привлекательность Адама к земле. Честный и прямой Адам не хочет стать на путь преступлений, как это сделал Гарри Морган в романе Хемингуэя «Иметь и не иметь», он также не соглашается быть штрейфбрехером, даже если его семье нечего есть. Этот человек долгое время не знал, против кого направить свой гнев, но в решающие минуты борьбы он может стать грозной силой. Дружеские, теплые слова коммуниста Дженесе находят живой отклик в сознании Адама: «они впитываются в его душу, как дождь в землю». Адам еще не знает, что нужно делать, но он готов идти за коммунистами. Адам — мужественный человек, созданный для борьбы, но не ставший борцом.

«— Негу у меня дома, — бормолал Адам. — Отбирают, выселяют, не все ли это равно. Нет больше дома. — Годов его спустилась на грудь. Темный пол холма холонул, и он смотрел и видел волнующиеся поля, журчащий ручей, густой лес вдали. Это была родина. Та родина, которую он знал в детстве. Но уже и тогда выгоняли людей из домов. Они выгоняли даже один другого, убивали, калечили из-за куска земли. Дети завели мать в поле зимой, разложили ей голову — убили ради куска земли. Дети завели отца в лес, искали там его, оставили на сцене волкам — и все это ради куска земли. Ради земли они калечили, убивали. Даже лошадей убивали, даже лошадей. У соседа на поле лошади лягнули сына богатого крестьянина. Ботач завел лошадь в лес, связал ей ноги и зарыл в яму живьем. Ты чувствовал себя связанным, как была связана эта лошадь. Ты чувствовал, что бьешься в яме, как былась эта лошадь. Ты как-то почутил засыпал в слезах, думая о своей смерти. Они убивают, всегда убивают. Снят тебя, бросят в яму и похоронят живо. Божья правда, конца этому нет, нет конца».

В салоне стало тихо, потом послышался плач. Это плакал Адам, и все на него смотрели. Адам сидел, уронив голову на грудь, и плакал. От этого плача всем стало нездорово.

«Мужество», Дж. Вогель. «Интернациональная литература», № 3—4, 1939 г., и выходит отдельной книгой в Гослитиздате.

ИНОСТРАННЫЕ ПИСАТЕЛИ НА ВСЕСОЮЗНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫСТАВКЕ

Бела Балаш

Я очень мало понимаю в сельском хозяйстве, и на этой выставке меня больше всего интересовали люди, создавшие собранные на ней богатства.

Выставка привлекла на меня глубокое впечатление именно потому, что хотя на ней и представлены различные виды плодов и растений, животных и птиц, а также образцы сельскохозяйственных машин, она является прежде всего куском живой истории социалистического общества.

Показанные на ней вещи не замкнуты в самих себе. Около экспонатов висят таблички, из которых можно узнать фамилию производителя, выращившего новое полезное растение, или имя колхозника, вышедшей теленка. Повсюду можно увидеть портреты переломных людей, добившихся рекордных результатов в различных областях сельского хозяйства. Выставка показывает героизм труда в социалистическом обществе!

В одном из павильонов я встретил группу колхозников. Они рассматривали фотографию коневодческой фермы. Один

Густав Ваненейм

Я видел много всевозможных выставок в капиталистических странах, и разница между ними и этой выставкой сразу же бросилась мне в глаза. Как драматург, привыкший мыслить образами и сопоставлять, я хочу выразить свое впечатление в форме сравнения: то были ярмарки, это — университет. Самый расторможенный посетитель, какой только можно себе представить.

Когда я шел по выставке, я испытывал громадное удовлетворение от того, что чудесные произведения земли и человеческого труда представляли здесь не в качестве товаров, а в своем чистом, натуральном виде. И люди, участвовавшие в их создании, стоят тут же и любят работу. На капиталистических ярмарках ябит в глаза от изобилия экспонатов, но ты чувствуешь себя бегляком от угнетающего сознания, что большинство этих предметов тебе недоступны, они являются товарами, которые ты не в состоянии купить. А здесь, наоборот, тебя не покидает ощущение богатства. Все это наше! Мы вместе создавали все эти богатства! Если в одном уголке страны еще ощущается недостаток в чем-нибудь, если там

собирают меньший урожай, чем в другом, то ведь именно для того и приехало сюда столько людей, чтобы научиться, как сделать так, чтобы в ближайшем будущем никто из нас не испытывал недостатка.

На зарубежных выставках чуть ли не в каждом павильоне вы можете встретить представителей фирм, приехавших на выставку образцы своей продукции. Они стоят около своих экспонатов в блоно-табах в руках, поджидая заказчиков. На выставке в Москве тоже можно увидеть экспонаты в блоно-табах, но их привели сюда совсем другие побуждения. Смысл выставки раскрывается во всей своей глубине, когда встречаешь группы посетителей, приехавших со всех концов громадной страны ради одной цели — учиться!

Петрас Цвирка

Несомненно, такой выставки нигде и никогда не могло быть. О ней трудно говорить без волнения. В какой павильон вы зайдёте, — не знаешь, чем больше восхищаться — замечательным ли рисунком потолка или мозаичным паркетом и коврами, по которым ступает нога, высокохудожественными фресками, картинами и скульптурами, тонкой резьбой по дереву или еще более великолепными полами, овальными, фресками — золотыми дарами колхозных садов, орозов и полей. Прекрасные и с большим вкусом оформленные стелы, диаграммы, макеты, живые экспонаты говорят о необычайном материальном и культурном подъеме советской деревни. Все республике и автономные области, от холодного севера до субтропиков, от западных до дальневосточных границ, объединены для братского показа громадных побед, достигнутых на колхозных полях. Это грандиозное зрелище радует друзей Советского Союза, оно должно вызывать чувство зависти и удивления у его врагов.

По выставке является не только демонстрацией побед коллективизации, высокой урожайности колхозной земли, таланта и размаха ее строителей. Эта выставка должна сыграть громадную воспитательную роль в деле подготовки новых кадров для социалистического земледелия, садоводства и животноводства.

Я видел, с какими горящими глазами тысячи колхозников и колхозниц, приехавших на выставку из самых отдаленных уголков Советского Союза, разгля-

О чем пишут китайские писатели

Вооруженная борьба китайского народа за свою национальную независимость вызвала большой подъем в среде китайских литераторов. Еще задолго до начала вооруженного вторжения Японии в Китай наиболее прогрессивная часть китайских писателей, как Лу Синь, Го-Мо-Жо, Мао Дунь и др., в своих произведениях анализирует китайский народ на борьбу с агрессивными стремлениями японской военщины. Однако при тогдашней политической обстановке и строгой цензуре они не могли печатать свои произведения, направляемые против страны, находившейся в «дружественных» дипломатических отношениях с Китаем. Все это задерживало внедрение в китайскую художественную литературу антияпонской тематики. Немало мешало этому также и существовавший в то время идейный разброд в среде китайских литераторов.

С первых же дней национально-освободительной войны лучшая часть китайских литераторов принимает в ней самое энергичное участие. С винтовкой в руках на передовой линии фронта и в первом по времени заткнув в тылу китайские писатели защищают независимость своей родины. Основная тема китайской литературы сегодняшнего дня — призыв к борьбе. «Умереть, но не сдаться на милость врагам», «Вести национально-освободительную войну до победного конца». Эти лозунги способствовали появлению нового типа произведений, новых не только по содержанию, но и по форме. В течение последних двух лет в китайских литературных кругах горячо обсуждался вопрос о так называемых «художественных отчетах», т. е. об особом роде литературных произведений, приближающихся к форме очерка. В этих произведениях не должно быть вымышленных лиц, писатель показывает читателю действительно существующих героев, их жизнь, их беззаветную преданность родине. Эти «художественные отчеты» отражают всю жизнь современного Китая, рисуют не только эпизоды боевой деятельности, но также и быт и жизнь тыла.

Новое течение за «создание высокохудожественных произведений на основе действительных фактов» нашло широкий отклик в писательской среде и упустило глубокие корни в литературе сегодняшнего дня, явив в ней доминирующее положение. Сейчас китайскими писателями выдвинут лозунг: «Чтобы писать о боях, надо в них участвовать»; и этот лозунг不折不扣 проводится ими в жизнь. По инициативе «Воскитанского общества по борьбе с врагом», которое объединяло в себе все лучшие литературные силы, создается специальное «Бюро литературы врагов»; эти бригады прикрепляются к определенным воинским частям и командуются на различные участки фронта. Они проводят большую агитационно-массовую работу, писатели читают бойцам свои произведения, рисующие жизнь данной части, фронта, отдельных героев, всего Китая.

Таким образом, создание «художественных отчетов» стало сейчас, по существу, основной формой работы китайских литераторов, и они заняли прочное место в современной китайской литературе.

Лучшие произведения, созданные за последнее время в Китае, относятся именно к этим «художественным отчетам». Свежесть красок и насыщенность содержания они несомненно обязаны тому, что их авторы были непосредственными участниками описываемых событий.

К лучшим образцам этой формы, вышедшим из-под пера китайских литераторов за последние два года, следует отнести «Боевой путь командира роты» — известное произведение Цю-Дун-Лина, простое и убедительное рисующее преданность долгу бойцов одной воинской части, с четко выполнившим заданное высшее командование и счастливой командой, положение воюющего фронта; «Полетели пшеницы» — Ю-Сюэ-Лия, показывающего, как отсталый китайский крестьянин вырастает из простого поля в храброго и сознательно члена боевого партизанского отряда; «Ночной бой под Ху-То-Хэ» — Би-Е, великой расказа, дающей яркое представление о боевом духе и потенциальной силе, заключенной в китайской армии; «Северная долина» — Тан-Шоу, описывающего боевые будни партизанского отряда, действующего в долине Пекин—Ханькоуской ж. д. и теплого участия и помощи, оказываемые ему мирным крестьянским населением; «На реке Хуан-Хэ» — Би-Е, яркого эпизода, рисующего борьбу партизан в тылу у врага и растущее разложение японской армии; «На берегу реки Цинь-Хэ» — Хей-Лин, талантливо описываю-

щего боевую деятельность 181-й китайской дивизии.

Наряду с «художественными отчетами», отражающими героическую борьбу китайского народа за свою национальную независимость, китайские литераторы уделяют в своих произведениях большое внимание и экономической жизни страны, стремясь вскрыть недостатки, заостряя внимание общественности на отрицательных явлениях и призывать к борьбе с ними. Одним из лучших произведений на эту тему, по мнению китайской критики, является вышедший недавно в свет рассказ «Солдат Ян-У». Цю-Мина, описывающий жизнь отсталой китайской деревни, на которой национально-освободительное движение создаст-дезертир Ян-У вынужден все же, под давлением ее жителей, снова уйти на фронт — защищать родину, и «Господин Хуа-Вэй» — Чжао-Тянь-Ци, посвященный изображению реакционных сил китайской деревни.

Много внимания уделяет современная китайская литература также и проблеме борьбы с предателями родины, разоблачению тайных замыслов японской фашистской военщины. Китайская критика резко осуждала писателя, изображавшего в своих произведениях японцев по раз принятую форму, — как диких зверей, один вид которых заставляет население бросать свои фашизы и обращаться в бегство, и обвиняющих о коварных методах борьбы врага, асылавшего шпионов в китайскую армию и тыл, организующего с помощью неустойчивых и темных элементов провокацию с целью срыва единого боевого фронта. В художественной литературе Китая уже начали появляться произведения, посвященные разоблачению методов работы японской разведки. Лучшим из них следует признать рассказ молодого китайского писателя Ши-Тань-Шоу — «Предатель родины».

Большое место в современной китайской художественной литературе отводится также вопросам единого фронта, призывам к населению оказывать самую широкую помощь народной армии, иллюстрации основного лозунга современного Китая «Все для фронта». На эту тему китайскими писателями созданы сотни прекрасных произведений. К числу таких произведений следует отнести «Перемену» писателя Янь-У, показывающего, как мощная волна национально-освободительного движения захватывает даже древние монастыри, влияющая их обитателей в свой бурный поток; «На поле битвы» — Би-Е, рассказ, рисующий, как все свои надежды, решительное удара ненавистному врагу, и «Почетная вывеска» — Ли-Бо-И, рассказ о крестьянине-патриоте, отдавшем все свои хлебные запасы на нужды армии и вместе со своими сальмовым ушедшем на фронт.

Не снижая художественной ценности своих произведений, современные китайские литераторы стараются писать простым языком, доступным самым широким слоям населения. Этот вопрос горячо обсуждался в литературных кругах еще семь-восемь лет назад, но не вышел тогда за рамки теоретической дискуссии. Теперь можно считать, что он в значительной степени уже разрешен. Темы современной китайской художественной литературы так близки и понятны всему китайскому народу, что отпала надобность в специальных приемах для ее популяризации. Они рисуют жизнь, борьбу и устремления самого народа.

Наряду с новыми формами современной китайские писатели стараются использовать также и старые литературные формы, вкладывая в них новое злободневное содержание. Китайский литературный язык очищается от старых, ложноклассических оборотов, приближаясь к народному, что ни в какой мере не обедняет, а наоборот, обогащает его. В частности, «художественные отчеты» сыграли громадную роль в приближении литературы к народным массам, в деле художественного воспитания этих масс. Такие произведения, как «Отряды особого назначения» — Ло-Винь-Цзи и «Беспокойный город» — Гу-Сы-Фань, рисующие боевую жизнь китайской армии и партизан, по своей художественной ценности не уступают лучшим произведениям довоенного периода и доступны в то же время самым широким слоям читателей.

МАРШ РАДЕЦКОГО

ГЕОРГ ЛУКАК

«Марш Радецкого» — это роман о закате империи Австро-Венгерской монархии, значительная книга, в которой важнейшие социальные факторы гибели империи нашли законченное художественное воплощение в личной судьбе живых людей, восторженно рассмотренных и раскрытых.

Конечно, Йозеф Рот рисует далеко не все факторы гибели империи. Если вспомнить знаменитое ленинское определение революционной ситуации, то можно сказать: Рот показывает, как правящие классы Австро-Венгрии больше не могут жить по-старому. Но то, что угнетенные классы больше не хотят жить по-старому, — этого Рот не показывает, на это он лишь указывает мимоходом. Этот решающий фактор нарастающего краха служит для Рота в лучшем случае фоном, но никак не главной пружиной действия.

И все же, несмотря на умышленную односторопность изображения, в ней заключаются средоточие назревающего краха. Для Австро-Венгерской монархии поставленные Ротом в центр действия люди (офицеры и чиновники) имеют куда больше значения, чем для других, национально-однородных государств. Монархия Габсбургов воспитала широкий контингент таких офицеров и чиновников, которые сделали чудными и праждебными по отношению к своему народу, но и всем народам Австро-Венгрии, и возождили все свои надежды на сохранение доскутной монархии.

Рот показывает лишь, как эти классы разлагаются под влиянием внутренних и внешних причин, как они постепенно теряют социальную почву и утрачивают веру в неизбывность монархии Габсбургов. В этом процессе он и видит процесс заката старой Австро-Венгрии. Но, конечно, в действительности это еще не самый процесс, но лишь один из его симптомов. До экономической необходимости, исторически обусловившей возникновение Австро-Венгерской монархии, автору мало дела. Так же мало тревожит его и социальные тенденции, слагающие неизбежную ее гибель. Правда, он чувствует, что этот крах вызван стремлением народов к самоопределению, но он плохо понимает эти стремления, ибо сердцем он на стороне умирающей монархии. Поэтому он и рисует так любовно и сочувственно общественные прослойки, среди которых с максимальной наглядностью проявились тенденции к сохранению старой Австрии.

Любопытное явление: значительные художественные достоинства этого произведения если не вытекают из идеологической слабости автора, то по всяком случае теснейшим образом связаны с ней. Не будь у Рота его иллюзии, ему вряд ли удалось бы так глубоко заглянуть во внутренний мир его чиновников и офицеров и представить с такой полнотой и правдивостью процесс их морального и социального разложения.

Рот — писатель-реалист незаурядного дарования. Изображая личные судьбы своих героев, он с такой глубиной и реализмом проникает в их психологию, что за их личными действиями и переживаниями вырисовывается весь социальный фон, вырисовывается психология периода распада империи. Становится ясно, что эти офицеры и чиновники уже утратили свою первоначальную цементную и пивлительную роль и превратились в простые жанрамов австро-венгерской тюрьмы народов.

Эти люди относятся к пенавности и отращиванию к росту капитализма, к развитию рабочего движения, демократии, ко всякому проблеску стремления народов к самоопределению.

С предельной открытостью высказывает эти чувства один из более или менее сознательных персонажей романа, польский аристократ, романтик и реакционер граф Хойницкий. «Натура скептически, насмешлива, бесстрашная и импульсивная, Хойницкий называл императора выжившим из ума старцем, правительством — сборищем плотов, государственным совет — экономом доверчивых и аквалитированных недоножков, имперских чиновников — прожатыми, трусывыми и насказво прогнившими тварями».

Еще более характерен диалог Хойницкого и оружейного начальника фон Тротта. Последний говорит:

«— Но почему же, с вашего позволения, служить отечеству столь же беспозлезное дело, как и дашать деньги?»

— Потому что отечества больше не существует.

— То-есть как это не существует? — воскликнул господин фон Тротта. Я вас не понимаю.

— Я так и думал, что вы меня не поимете, — сказал Хойницкий. Но ведь и мы все больше не существуем.

...Господин фон Тротта с величайшим усилием выдавал из себя вопрос:

— Не понимаю. Так, значит, монархии больше не существует?

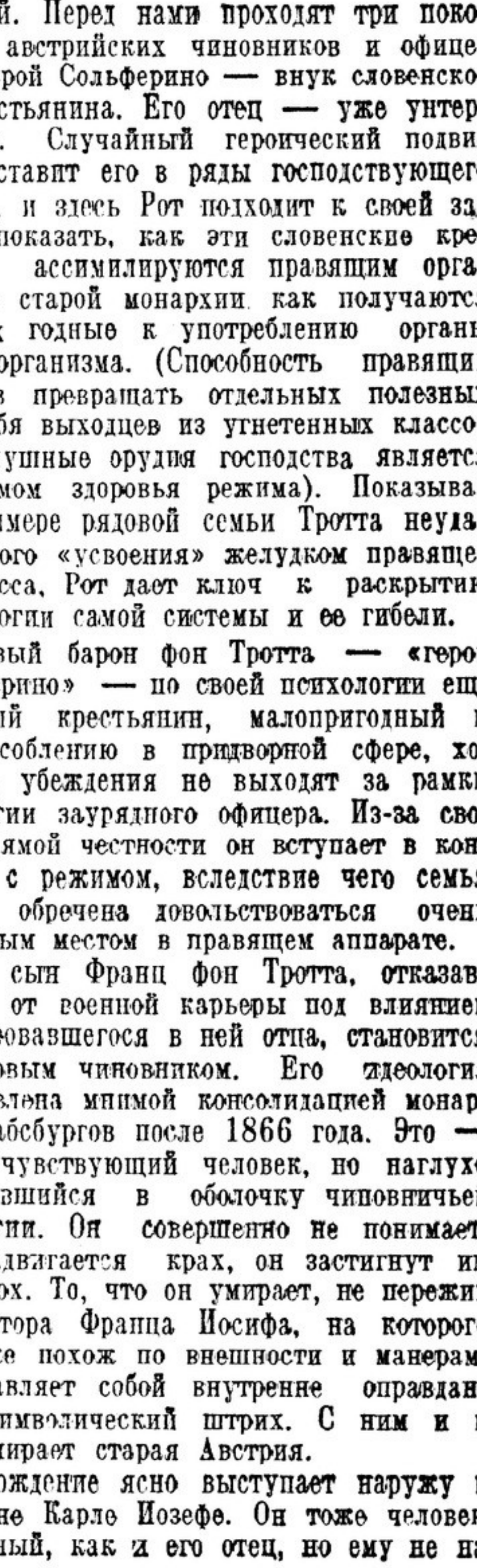
— Разумеется, — ответил Хойницкий, — в буквальном смысле слова она еще существует. У нас есть армия. — граф кивнул на лейтенанта, — чиновничество, — граф кивнул на оружейного начальника. — Но она разлагается жалко. И не только разлагается, но уже разложилась».

Хойницкий (а вместе с ним и Рот) полагает, что после этого наступит хаос, гибель культуры, царство варварства. Рот ищет романтическое приращение к монархии Габсбургов. Но несмотря на его объяснение сентиментальной грустью отношение к закату монархии, а может быть даже благодаря такому отношению, перед нами с тем большей беспощадностью вырисовывается полнейший характер катастрофы. Любопытно, что Рот рисует этот идеологический распад как раз в тех слоях населения, которые были самыми преданными сторонниками, самыми надежными столпами старого мира.

Его персонажи — заурядные чиновники и офицеры. Но он изображает ситуации, которые вырывают его героев из протори повеленности и уносят так далеко, что заурядные события и заурядные психологические реакции приобретают художественную выразительность. Эпичность изложения Рота состоит также в умении изображать такие необычайные ситуации, благодаря которым посредственное, не теряя своей непосредственности, достигает художественной значительности.

В некоторых своих романах Рот злоупотребляет склонностью к необычному и выпадает иной раз в ложную романтику. Но в данном случае ему удалось поставить в центре своего повествования жизненно правдивое и эпическое плодотворное событие, которое заключается в том, что первый барон фон Тротта, по воле случая, спасает жизнь императора в сражении при Сольферино (1859 г.).

Эта книга — один из многих в новейшей литературе романов нескольких по-

Ненаписанные книги

Нет никаких сомнений в том, что за последние годы развитие нашей литературы идет быстрым и верным путем. Самое понимание ее задач стало значительно глубже, критическая мысль стала определеннее, вопросы стилистики начинают занимать свое место. Главная причина этого — любовь читателей к своей литературе, народа — к своему искусству. Но именно потому, что это требовательная и ревнивая любовь, следует признать, что многие книги так и остались еще не написанными.

Мне уже случалось писать о том, что частная жизнь советского человека почти не затронута в нашей литературе («Современная тема»). У нас нет хороших книг о любви, о смерти, почти нет — это очень важно — книг о людях, которым хотелось бы подражать.

Конечно, это трудное дело и прежде всего потому, что народ смотрит на литературу, как на высокую моральную ипостась, и малейшая ложь в изображении жизни будет немедленно изобличена и осуждена.

Заглядывали ли вы когда-нибудь в авторские кабинеты? Это очень интересный материал для наблюдателя — с бытовой и исторической стороны. Какие рукописи иногда попадают! Рукописи-завешания, которые можно почти без поправок пересылать в суд, рукописи с требованием признания своих заслуг, рукописи — итоги жизни, рукописи-завещания.

Это очень далеко от литературы, но это — немалозначительное желание видеть в литературе истину, относиться к ней, как к истории своей жизни.

Без сомнения, для того, чтобы писать правдивые книги, чтобы верно изобразить то огромное собрание социальных типов, которое имело в нашей стране, чтобы передать мысли и интересы современного человека, молодого и старого, умного и глупого, больного и здорового, — иными словами, чтобы верно изобразить частную жизнь в ее общественном смысле, нужно хорошо знать наше общество. Нельзя врать — очень много свидетелей!

Не так давно в журнале «Знания» была помещена повесть В. Курочкина «Сложная история». Мне было жаль труда молодого и способного писателя, который вместо того, чтобы просто рассказать о людях, повидимому чем-то его заинтересовавших, потратил все усилия на создание «всамделишного», «психологического» рассказа. Получился макет, который соответствует — и то в очень слабой степени — какой-то воображаемой форме, а жизнь осталась в стороне.

Шкловский был прав, заметив (в «Дневнике»), что напрасно писателем кажется иногда, что какую-то часть старого искусства можно еще воспользоваться, чтобы создать новое: жизнь литературы идет не по пути поисков этого соответствия, а другим путем.

К этому следовало бы добавить, что почти всегда эти поиски связаны с неполным знанием предмета.

Но, конечно, даже самое полное знание жизни еще не создает литературного произведения. Можно глубоко проникнуть в

жизнь советского общества и не уметь написать о нем.

Имя Чехова не случайно упоминается в наших литературных спорах. Чехов должен был появиться в сознании как великий мастер «спен из частной жизни».

Желание легко и быстро написать эти спены толкнуло на ряд подражаний, о которых идет речь в статьях Петрова и Атарова (в № 39 «Литературной газеты»). Е. Петров прав, утверждая, что стремление писать о «серых будничных происшествиях» не имеет ничего общего с литературным направлением и что вопрос: этот ремесла качеством. Частная жизнь и подражатели превращается в частный случай.

Но вопрос о влиянии Чехова на современную литературу заслуживает более широкого рассмотрения. У него есть не только подражатели, но и продолжатели, творчество которых безразлично для нашей литературы и в свою очередь вызывает подражания. Я имею в виду Хемингуэя.

Не кажется ли вам, что рассказы Хемингуэя по самому своему жанру предкасаются Чеховым? Это — маленькие романы. Очень многое остается за пределами бели, но сказано ровно столько, чтобы представить себе за несколькими страницами огромную глубину романа.

У обоих писателей это основано на необыкновенной точности описаний, на верности интонации — той верности и точности, которые помогают вам мгновенно пережить мост от «разговора ни о чем» к социальной трагедии капиталистического мира. Таковы «Дама с собачкой» Чехова, «Белые слоны» Хемингуэя. Такова женщина в «Иметь и не иметь», которая ночью стоит на борту яхты и думает — сука она или еще не сука?

Перечтите «Гусева», в котором рассказ после смерти героя ведется таким образом, как будто он еще размышляет — что же с ним происходит? Вы послушно идете за этими размышлениями, хотя давно уже знаете, что все кончено, и труп зашитый в полотно, идет ко мне, и вот полотно разрывает акула. Вы невольно вспоминаете Хемингуэя.

Но дело не только в сходстве жанров. Дело в том, что трагедия, которую пишет Хемингуэй, была впервые обрисована Чеховым. — нужно отдать должное великой русской литературе. Им впервые описана та страшная минута сознания, которая лежит в основе лучших вещей Хемингуэя — минута, когда европейский человек вдруг понимает, что он не может жить так, как он жил до сих пор. «Когда люди столько мужества приносят в этот мир, мир должен убиь их, чтобы сломить, и потому он их и убивает. Мир ломает каждого, и многие потом только крепче на изломе. Но тех, кто не хочет сломаться, он убивает. Он убивает самых добрых, и самых нежных, и самых храбрых без разбора. А если ты ни то, ни другое, можешь быть уверен, что и тебя убьют, только без особой снисходительности» (Э. Хемингуэй).

Чехов впервые написал «разговоры ни о чем», а на самом деле — о самом важном. Он впервые написал хорошие главы, которые становятся мерзавцами пото-

му, что они не могут понять, что происходит вокруг, или просто от скуки. Правда, у Хемингуэя эти хорошие люди становятся не просто мерзавцами — убийцами («Иметь и не иметь»), но ведь он живет в другое время! Мне кажется, Чехов одобрил бы последние страницы «Прошай, оружие!», написанные рукой настоящего мужчины. Он и сам был таков.

Конечно, у Хемингуэя нет многих замечательных свойств чеховской прозы. У него нет блестящего чеховского юмора, в сравнении с Чеховым он однообразен. Он развивает только одну из чеховских тем — отчаяние. Но он делает это с превосходной силой.

Но все эти первоклассные художественные средства — они ли пущены для того, чтобы изобразить наше общество, людей и мысли нашей страны? Может ли это глубоко, хотя и односторонне, развитие чеховской прозы, вызвавшее у нас множество подражаний, помочь созданию книг познавательных и целенаправленных, написанных современным и точным языком, имеющих широкое воспитательное значение, книг народных? Едва ли. Мне кажется, что наша литература пойдет другими, более самостоятельными путями.

Вспомните ее историю за истекшие десятилетия — пятнадцать лет, и ваше внимание невольно остановится на книгах, написанных для детей и ставших любимым чтением взрослых. Таковы «Кюхля», «Белые парус одинокий». Им навстречу идут книги, написанные для взрослых и ставшие любимым чтением детей. Таковы «Разгром» и «Как закалялась сталь». Это объединяет эти столь непохожие книги? Высокая мораль. В них есть идеалы.

Жаль, что в наших литературных спорах так редко упоминается это превосходное слово. Идеалы, в которых отражена вся движущая сила советской эпохи, существующая в сознании нашего юношества, и оно невольно ищет в литературе отражения своих желаний, своих фантазий. Часто — и в этом справедливо упрекают нашу литературу — оно находит свои мысли в книгах непрофессиональных писателей — летчиков, зимовиков, режиссеров, педагогов. Именно поэтому и нам очень полезно читать эти книги, поднимающиеся иногда до уровня настоящего искусства. Но, конечно, мы должны писать еще лучше. Профессия в книгах, о которых идет речь, не должна заслонять внутренней жизни героя.

Меньше всего я бы хотел, чтобы эта широкая задача была ограничена рамками прописной морали. Речь идет о силе приключения в действительности и о том, какие художественные средства могут помочь писателю написать книги о людях, которым захотелось бы подражать. Речь идет о той могущественной силе искусства, которая заставила Тома Совера вообразить себя багдским разбойником после чтения «Роб-Роя».

Вы возразите мне, что это — задача детской литературы. Но что такое детская литература, если последнюю замечательную книгу Янгкова «Что я видел?», написанную для детей от трех до шести лет, с увлечением читают люди всех возрастов, вплоть до самого преклонного? Эти задачи давно перенутились с задачами нашей литературы для взрослых, и чуждой будущим истории ломают себе головы над тем, к какому разряду отнести ту или другую хорошую книгу. Конечно, хорошо, если Полуха дети не станут читать.

Мне кажется, что именно в этих — еще не написанных — книгах будет найдено новое писательское зрение, которое отчетливо различит то, что прежде было непонятно, которое легко перешагнет через все влияния. Замечательна в толпу героев, заговорить их языком, передать (быть может, от первого лица) мироощущение человека нашей страны — так развивается литература. Толстой писал (в «Анне Карениной»), что можно совсем не знать, какие бывают формы живописи, но что в искусстве, преобразующем жизнь, это знание приходит само собой.

Разумеется, из этого вовсе не следует, что не нужно учиться писать. Напротив! Искать и найти народность и простоту прозы, понять и изучить язык новой интеллигенции, основать на этом свой стиль — вот задача!

Государственное издательство «Искусство» выпустило к Дню авиации плакат «Кто силен в воздухе, тот в наше время вообще силен» (К. Ворошилов). Авторы этого плаката — Герой Советского Союза А. Юмашев, заслуженный деятель искусства В. Дени и художник Н. Долгоруков. Мы воспроизводим здесь этот плакат.

ВСТРЕЧА ПИСАТЕЛЕЙ С ЛЕТИЧКАМИ

ЛЕНИНГРАД. (От наш корр.). Правление Ленинградского отделения союза советских писателей образовало 4 бригады для проведения творческих встреч с бойцами и командирами авиачастей Ленинградского военного округа. Встречи писателей и летчиков будут посвящены Дню авиации.

ИОГАННЕС БЕХЕР СОНЕТЫ

КОГДА-НИБУДЬ НА БАДЕНСКОМ ОЗЕРЕ

Здесь сад твой, о Германия, как пышно И как неурожайно он цветет! Мы снова здесь. Ручей журчит чуть шумит листва. Позорный сброшен гнет! И дозревают грозды винограда, Знакомой тропкой мы идем опять. Все ныне наше, все цветенье сада... О, слишком долго нам пришлось ждать!.. И радостно ты простираешь руки Над волнами просторами полей. Минули дни скитаний и разлуки, Мы празднуем начало наших дней. Нам родина навек возвращена, И все цветет вокруг. Народ. Страна.

Я СЛЫШАЛ ГОЛОС...

Мне снилось, что я ночью порой Стоял среди равнины бесконечной, И над мною путь струился млечный, Я говорил с Германией родной. Как колокол, звучал мой голос мощный, Обрел я силу двину в тот час, «Пора!» — гремел мой зов во мгле полночной, От сна глухого пробуждая вас. Я говорил с тюринскими лесами, И в Мюнхене звучала речь моя. Мне Рейн вынул, живыми голосами Был полон мир: «Мы слышим все тебя». И ночь, и звезды, и равнин простор Со мной слились в согласный дружный хор. Перевел с немецкого М. Люмкис.

Профанация темы

Научно-фантастические романы в советской литературе очень немноги. Гораздо чаще появляются статьи, разъясняющие, какими должны быть эти романы.

Авторы таких статей единодушно утверждают, что советский научно-фантастический роман должен по-настоящему научным. Утверждение это повторяется много лет, но поскольку не потеряло своей свежести и актуальности. И сейчас еще выходят романы, в которых наука подменяется лженаукой, а фантазия — вздорным вымыслом. И самое любопытное, что романы и статьи нередко пишутся одними и теми же авторами.

Недавно в Детиздате вышел роман С. Бельева «Истребитель 2Z».

Наука в этом романе представлена двумя необыкновенными изобретениями. Одно из них сделало советские ученые. Это — машина «Урожай». Хлеба, посеянные этой машиной, созревают в один день! Другое изобретение принадлежит фашистам. Это — истребитель 2Z. Истребитель изучает какие-то лучи, которые превращают материю в ничто! Вряд ли возможно признать что-нибудь еще более неправдоподобное и нелепое. Тем не менее и этот роман называется научно-фантастическим.

Прежде Детиздат время от времени снабжал такие романы последователями. В последствии к одному из романов, выпущенных в прошлом году, было сказано: «Автор совершенно оторвался от реальных законов природы, и его фантазия не имеет никаких оснований на осуществление даже в будущем». Если бы последнее сопроваждало и роман С. Бельева, в нем пришлось бы сказать, что автор оторвался не только от реальных законов природы, но и от элементарных законов здравого смысла.

Повидимому, редакторы Детиздата опенили роман С. Бельева не за его псевдонаучную фантастику. Надо думать, что роман произвел впечатление своей патристической направленностью. В самом деле, положительные персонажи Бельева неукоснительно декларируют о своей любви к родине. Фашистская разведка терпит поражение за поражение. В первые дни войны Красная Армия, шутя и забавляясь, уничтожает фашистские полчища.

Как-то Некрасов заметил: «Ничего не может быть приятнее для русского, как чтение таких произведений, где торжествует чувство патриотизма. Но необходимо, чтобы это чувство было выражено достойным его образом».

Роману С. Бельева недостает именно этого последнего условия. Если идет речь о фантастике подлинно научной, т. е. о гипотетическом, но вполне реальном развитии тех или иных научных положений, — писателю легко может создать произведение, воспитывающее в читателе любовь к родине. Но вздорный вымысел, патромодление головоломных, нелепых и безвкусных ситуаций никак не могут служить благородным материалом для юношеской патристической книги.

Ложность исходного замысла дает себя знать на каждой странице. Автор чувствует, что его насквозь вымышленные ситуации ничего не говорят читателю, ни в чем его не убеждают. Ему приходится поэтому заставлять своих героев без конца декларировать свои чувства к родине.

Вот испытывается машина «Урожай»: «Бутягин молча смотрел на своего друга, а в голове вертелись пенные мысли: «И мы не в последних рядах... Наша работа — борьба за утверждение социализма, за машинизацию, за урожай!»

Такими «четкими лозунгами» любят объясняться и другие персонажи романа. Самый «захватывающий» эпизод романа — пленение советских летчиков Лебедева и Гурова фашистами. После подводной лаборатории, расположенной на дне Тихого океана, после таинственных аэро-

дромов в Абиссинии читатель попадает наковен на реальную почву. Шутка ли сказать, фашистский концлагерь! Как тут не встревожиться за судьбу пленников! Напряжена тревога. Ничем не сдерживаемый полет фантазии писателя превращает зловещие застенки чуть ли не в ком отдыха, где пленники коротают время игрой на музыкальных инструментах и глумлением над фашистами. Гуров с привеслом и приптом исполняет в тюрьме «Светит месяц». «Чижика» и веселые частушки — «Колхозную рожь, чужаки, на трюм!».

Может быть, это героям? Презрение к опасности? Ничуть! Просто — пленники знают, что пуга, веревка или топор палача перед ними бессильны. Лебедев так и заявил: «Вам не удастся захватить скоростной меня и Гурова». А Гуров презрительно усмехнулся: «Пусть фашистская лапа шевелит котами». Действительно, чего бояться, когда фашистская лапа не может пригнать даже парашюти и только в состоянии, что шевелит котами.

Впрочем, еще забавнее, оказывается, воевать с фашистами. Когда неуязвимый истребитель появился над советской армией и вступил, где он пролетал, «вниз, на землю оставалась полоса разрушения, пугая и гладкая». — в этот момент истребитель Гурова решил, что пришло его время поразвлечься:

«Не отрывая глаз от экрана, спросил: — Разрешите, товарищ начальник, познакомиться в эфире?»

Пока Гурова развивался в эфире, истребитель провалялся на вторую линию заградительной воздушной линии. Но начальник заградительной зоны только «слегка улыбнулся». В штабе, при разработке плана одной из важнейших операций, с остроумным весельем предложение выступил рядовой работник, «большой шутник», как его характеризует автор. И, конечно, в этой веселой войне «шутка пришла к месту».

Все ясно. Война с фашистами — сплошная забава, где остроумные выходы будут чередоваться с улыбаками, а улыбаки — с резвыми шутками.

Наверное, у книги найдутся свои поклонники. Это и неудивительно. Роман богат одобрен заимствованными в бульварной литературе приемами возбуждения интереса читателя. Каждая глава обязательно обрывается «на самом интересном месте», на каждой странице читателя ждут невозможные сюрпризы и неожиданности, шпионы летают на самолетах и оукаются под воду, стелы разгибаются и снова свиваются, из неведомого пространства звучат таинственные голоса. Вот один характерный отрывок:

«Старый сыщик пошел к нестероимому шкафу, потрогал ручку, надул губы почти презрительно: — Фирма «Триумф», модель тысяча девятьсот сорокового года. Патент сорок девять. Пустяки!.. — Милостивые государи, — раздался в тот же момент голос Урандо, — я ждал вас.

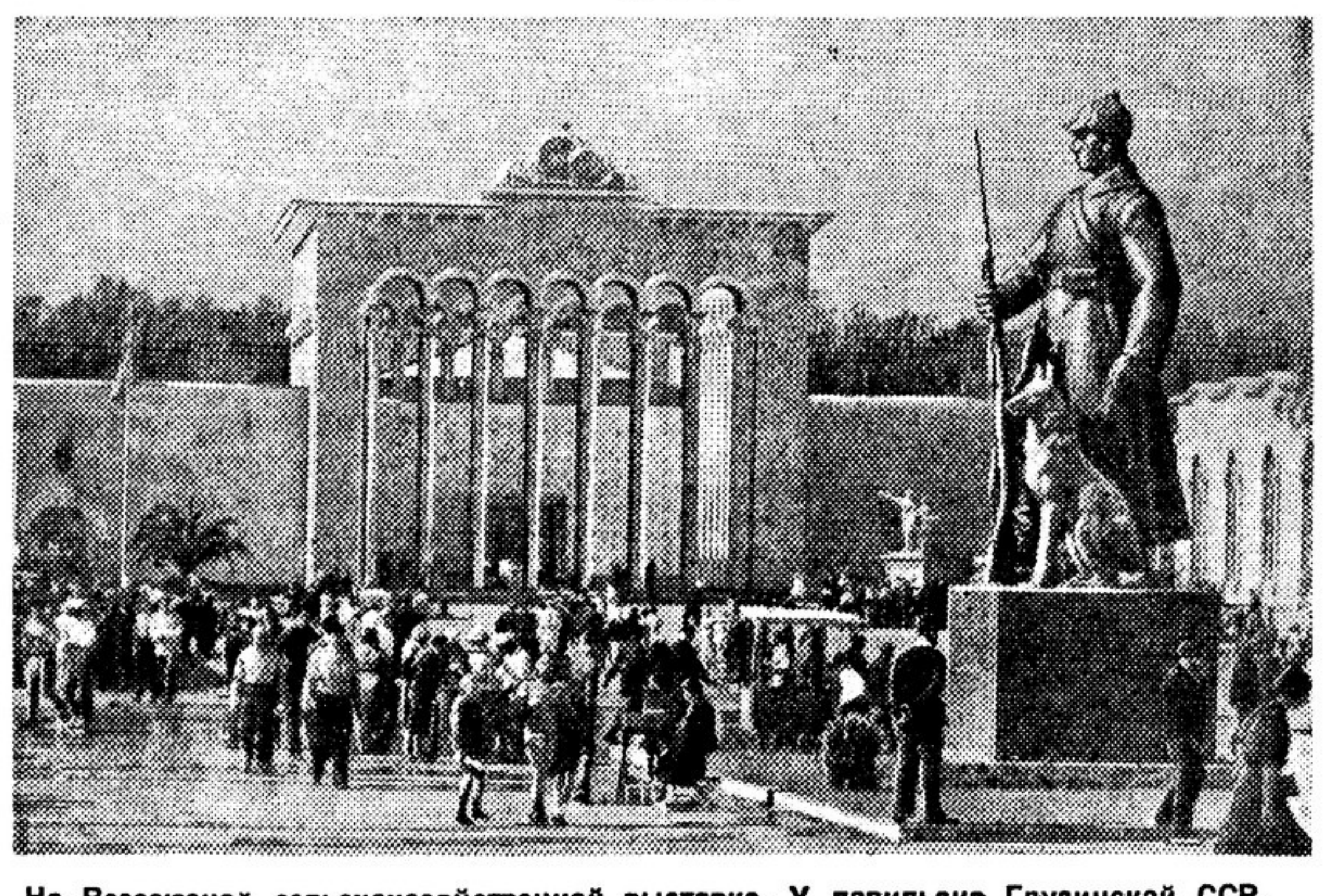
Все испуганно переглянулись. Эвар отшатнулся от шкафа: — Что за дьявол!

Но Урандо в комнате не было. Между тем голос его четко выговаривал: — Ждал, что вы попытаетесь, рано или поздно, обокрасть меня. Пожалуйста, не возвращаю.

Дверца нестероимого шкафа сама собой распахнулась. Голос продолжал...» и т. д.

Вполне возможно, что это будет иметь успех у читателей, которым неостает Нат Пинкертон или Джека Потрошителя. Но наука здесь не при чем, патристизм — и подано, а искусство — и того мене.

С. Бельев возродил традиции плохого бульварного романа. Он, правда, сделал попытку облагородить этот жанр широким применением патристической фразеологии. Но фразеология не заменяет непосредственного патристического чувства, так же как вздорный вымысел не может заменить научной фантастики. Жанр остался необлагодороженным, а патристическая тема, наука и искусство — в достаточной мере профанированными.

На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. У павильона Грузинской ССР.

ВИКТОР ГОЛЬЦЕВ

«Давид Сасунский»

Тысячу лет назад великий армянский народ создал замечательное эпическое произведение «Давид Сасунский». Эта обширная поэма, пользующаяся в Армении исключительной популярностью, является одним из лучших образцов мирового фольклора. К сожалению, у нас «Давид Сасунский» знают еще недостаточно. И мне хочется рассказать об эпосе просто как его читателю, поделиться впечатлениями, не претендуя на исчерпывающее знание фактов истории».

От страниц «Давида Сасунского» веет благородством героев — неустрашимых защитников родины, презрением к трусам, самой подлинной народностью, своеобразным демократизмом, любовью к честным и трудолюбивым людям.

«Давид Сасунский» написан без всякой напыщенности, просто и реалистически правдиво. В нем много теплоты и народности юмора. Но о огромной эпической силой выразено здесь и богатство народной фантазии. Вероятно, она питалась реальными историческими фактами.

Не случайно оформление «Давида Сасунского», как связанного и последовательного цикла армянских былин, относится к концу XIX столетия. Арабы, завоевавшие Армению в VII веке и систематически грабившие страну, встречались со все более и более сильным сопротивлением армянского народа. Ненависть к иноземным поработителям росла. В борьбе против арабов

особое место занимал Сасун — одна из областей средневековой Армении. В переломный период армянской истории именно там, среди суровых гор и лесов, постепенно создавался народный эпос «Давид Сасунский». X век уже принес Армении избавление от арабского ига.

Изучение «Давида Сасунского» началось недавно. Впервые один из его вариантов был издан Гарегином Сврашчянцем в 1874 году. Другой вариант эпоса был опубликован проф. Мануком Абегианом в 1889 году. Однако лишь при советской власти маститый ученый смог широко развернуть свою замечательную исследовательскую работу. В 1936 году под его редакцией был издан том «Давида Сасунского», содержащий 25 вариантов эпоса. За последние годы специальная текстологическая комиссия под председательством проф. Г. Абова упорно и плодотворно работала над установлением научного, «канонического» текста.

Неудивительно, что великий армянский поэт Ованес Туманян (1869—1923) чрезвычайно высоко ставил «Давида Сасунского» и своеобразно интерпретировал его в своем творчестве. Большому мастеру армянского поэтического слова Аветику Исаханяну принадлежит замечательная поэма о Мере, также основанная на «Давиде Сасунском».

Вся народная эпическая поэма, содержащая в себе около 12 тысяч строк, разделяется на четыре «ветви» в соответствии с четырьмя поколениями сасунских героев. Ветвь первая — «Санасар и Багдасар» в свою очередь делится на две части: «Борьба против багдасарского халифа» и «Женитьба Санасара и Багдасара». Ветвь вторая — «Мгер Старший» делится на две части: «Борьба Мгера Старшего против халифа» и «Борьба Мгера Старшего против Мрамрачника». Ветвь третья — «Давид» — самая основная и самая обширная. Она дает название всему эпосу и делится на семь частей: «Давид в Месре», «Давид-настух», «Охотник Давид восстанавливает отцовскую храм-крепость и гонит Хубани», «Давид и сборщик дани», «Бой Давида с Мрамрачником (Мазанимом)», «Женитьба Давида» и «Смерть Давида». Ветвь четвертая делится, как и первая, на две части: «Мгер метит за убийство», «Борьба Давида с Мрамрачником».

По-моему, первую ветвь «Давида Сасунского» нельзя рассматривать просто как эпическое сказание о героях. Она представляет собой превосходный миф, дающий образное представление о возникновении великого Сасунского дома. Конечно, этот миф имел некую историческую основу, подобно древнегерманскому мифу об основании Калмод города Кадмеи в Беотии». Превосходно определял значение мифотворчества наш великий ученый А. М. Горький: «Миф — это безусловная фантазия, а в основе своей реальная истина, дополненная воображением и приправленная рукою возмужавшего коллектива» (см. «Правду», № 167 от 18 июня 1939 г.).

Сущность мифа о Санасаре и Багдасаре — языческая. Христианство служит лишь его внешним обрамлением. Во многих отношениях первая ветвь служит ключом к раскрытию дальнейшего сюжета «Давида Сасунского». С самого начала в совершенно реалистических тонах, в соответствии с историческими данными, повествуется о бедственном положении Армении, завоеванной багдаским халифом:

Он с войском пришел в наш край, Добычи он много взял, Он много пленных увел, Перерезал армянский люд, И властитель армян Стал багдаскому дань платить.

Колоритно описано, как однажды арабы, собиравшие дань с армян, увидели прекрасную Цовинар-ханум, дочь царя. Вернувшись в Багдад, они с таким восторгом описали красоту армянской девушки, что халиф пожелал немедленно сделать ее своей женой. Получив отказ, халиф с несметным войском двинулся на Армению. Цовинар заявила, что для спасения родины она готова пожертвовать собой. Только два условия ставил халиф: пусть халиф целый год не входит в ее опочивальню и не обращает на это, стал жадать. Во всем этом эпизоде нам слышатся отголоски первоначальных неудач феодально-раздробленной Армении в борьбе с арабским захватничеством. С другой стороны, здесь отражены попытки иноземных угнетателей найти поддержку у мелких армянских баронов.

Далее миф разворачивается во всем своем фантастическом блеске, столь немалым вела А. М. Горьким. Собирается покорить родину. Цовинар отправляется с подругами на прогулку к берегу моря (очевидно — озера Ван). Ей неловко захотелось пить, она обратилась к богу о помощи выпить путь к спасению и напоить сладкой водой. Внезапно солонные волны расступились, показав белый ключ «бесмертных сил», бывший из валуна. Сняв одеяла, царевна выпила полную горсть воды и еще полгорсточки. От этих двух горстей воды она зачахла. Здесь выражена характерная для мифов многих народов идея подожговленного происхождения рода героев. Напомним, что Персей был сыном царев-

ны Данаи и Зевса, являвшегося к ней в виде золотого дождя; Геракл — сыном Алкмены и того же Зевса.

Как же в дальнейшем разворачивается основной сюжет первой ветви «Давида Сасунского»? В Багдаде арабский халиф заключил Цовинар в удлиннный дворец и решил не трогать ее семь лет. Но вскоре она родила двух близнецов. Один, рожденный от полной горсти воды, оказался полновесным. Его назвали Санасаром. Другой, рожденный от половинки горсти, был меньше. Он получил имя Багдасара. Разгневанный халиф хотел убить близнецов вместе с матерью, но она умолила халь хоть на время пощадить их. Мальчики росли день ото дня, проявляя удивительную силу. Через шесть лет настал день казни, но безоружные дети убили палача, перебили полностью арабских войск и вскоре тайком покинули Багдад. Они пересекли много рек и гор, пришли в неведомый и безлюдный край, начали строить крепость из прочнейших камней глыб. И какой-то старик, которому они показали к себе, сказал в полном изумлении: «Ой, какая яростная (сасунская) крепость! Это не дом, а это ороше (сасун)!» Отсюда и пошло название рода Сасунских богатырей.

Характерно, что Санасар и Багдасар, как народные герои, прежде всего заботились о неминуемых людях. Сначала они созидали дома для бедных, а потом уже довершили постройку крепости.

Отчетливо звучит в «Давиде Сасунском» древняя, как миф, тема борьбы человека с природой. Вспомним, что писал А. М. Горький: «Следует обратить особое внимание на то, что именуется как «необузданным фантазии», а по своему своему является утверждением всемогущего труда, изменяющего мир». («Правда», № 167 от 18 июня 1939 г.).

Прекрасен весь рассказ о юности защитника Сасунского рода. Но мы не станем подробно описывать множество чудесных подвигов Санасара и Багдасара. Это были не люди, проявляющие героизм, а титаны, обладавшие сверхчеловеческой, сверхестественной силой. Они были так сильны, что их существование совсем не походило на обычную человеческую жизнь. Со дня морского более могучий Санасар достал себе бранные доспехи и волшебные

го коня Джалали, говорящего человеческим языком, Сасун наполнился людьми, стал большим и цветущим городом. Отправившись в Багдад, братья убили ненавистного халифа, пытавшегося опутать их силою колдовства. Идея освобождения родины от чужеземных поработителей преворена и здесь и дальше в запоминающиеся художественные образы.

Замечательно поэтична и богата по выдержке история женитьбы Санасара на дочери царя Медного города Дехлун-Пам, обладавшей волшебством. Сила народного воображения особенно сказалась в описании подвигов и приключениях в заколдованной стране Кадлаци. Пусть читатель сам прочтет о том, как Санасар убил дракона, перебил с помощью Багдасара шестьдесят богатырей-пехлеванов и вышапал — злое чудовище, пожиравшее людей. Здесь слышатся отзвуки античных мифов, вспоминается Тезей, убивший Минотавра, или Геракл, уничтоживший лернейскую гидру. Характерно, что во всей первой «ветви» говорится исключительно о героических подвигах. Не только никакого лиризма, но и каких-либо бытовых описаний мы не находим в ней.

Великий Санасар умер, оставив трех сыновей. Из них Верго оказался трусливым и «никуда не годился». Дневон-Оган был до того голодосет, что семью шкурами обматывал себя, чтобы не лопнуть от собственного крика, но героизм не был присущ ему. Третьему сыну — Мгеру предостало продолжать славные традиции Сасунского дома. Чрезвычайно характерно, что в «ветви» второй мы обнаруживаем постепенное очеловечивание титанов. Хотя Мгер уже семь лет обладал сверхестественной силой, все-таки он больше походил на реального человека, чем Санасар. Поэтическое сказание о Мгере уже не миф. В нем не так много элементов фантастики, как в первой ветви «Давида Сасунского». Зато реалистическая конкретность эпоса возрастает. Место не вполне реальной страны мы видим настоящую

Хорошие рассказы

С. БОНДАРИН

С неторопливостью автора, превосходно знающего свой предмет, развивает Олег Эрберг рассказы.

Один из них, прочитанный в Клубе писателей на собрании повелителей, тогда же доставил слушателям большое удовольствие и получил заслуженную похвалу. Вскоре этот рассказ «Обезьяна» появился в журнале «30 дней», позже Олег Эрберг опубликовал еще два рассказа: «На северных склонах Гиндукуша» — в журнале «Молодая Гвардия» в «Повесть о Хамре из племени ачак-заев» — в пятиязычной книжке альманаха «Гол XXIII».

Все три рассказа нужно отнести к лучшим рассказам, напечатанным за последнее время в москвских журналах.

В трех рассказах Эрберг описывает жизнь Афганистана.

Через степь к горному перевалу идет караван, встречая на своем пути черепа и кости лошадей, вылепленные солнцем. Потребованные змеи уползают, «навоиная» своим телом косяк, срезающую сухую траву. И вот караван встречает одинокого путника белужца... Нет, путник не один: он несет за собой индийскую мартышку. Белужец ведет мартышку в горы, чтобы накормить ее свежими фруктами, но дружелюбие караванщиков ему нравится, ему нравится человек из советской земли, которого караванщики сопровождают, и он заставляет большую прихрамывающую обезьянку показать все, что она умеет. Среди степи происходит маленькое представление. — Покази теперь, как враги убили от нас, — ведет белужец своей обезьянке. Она подняла лапку, как бы прося пошалы, осторожно побежала и вступила. — Отлично, — восторженно восклицают зрители, но белужец посмотрел на упавшую обезьянку растерянно. — Вставай, Шаляпа, — кричал он. — Я не учил тебя падать! Обезьянка, однако, больше не встала. Оказывается, она боится и умерла от змеиного укуса. Караван идет дальше, а белужец остается над трупом зверька. Теперь он действительно одинок, и он не сможет больше показывать, как афганцы боролись за свою независимость.

Так можно пересказать рассказ «Обезьяна». Рассказ «На северных склонах Гиндукуша» пересказать еще проще.

Караван, сопровождавший советского человека, остановился на ночлег в селении, пораженном голодом. Тут нельзя найти не то чтобы курицу, — как же лепешку. В караван-сарай единственная приличная кибитка уже занята, путника приходится разделить ее с прежним гостем, итальянским инженером, фашистом и жуликом, что выясняется с первых же слов. Перед ним бутылка. Итальянец пьет, у него для этого очень серьезные причины: он думает о Риме, в котором этой ночью признают пастуха, и его охватывает чувство меланхолической радости. Кто способен подняться до высоты его чувств? Он согласился бы сейчас пройтись даже по набережной Тибра, «несмотря на то, что ее уродует еврейская синагога». Он любит Рим живых улиц и шумных площадей. А если говорить о древностях, то он читает их только как эмблему, зовущую к возрождению Империи. «Все итальянское будет снова принадлежать Италии...» — «И даже Итальянский бульвар в Париже?» — «Да... Итальянский бульвар вместе с Парижем...» Ныный бред фашиста перемежается с извещением над афганским народом и откровенностями по поводу собственного жульничества, не дешового, правда, размаха: предприимчивый жулик навязал афганскому правительству неосуществимый проект гигантской

«Осенью, когда люди хана отбирали слабых овец, которым грозил падеж в зимнюю бескормицу, и угодил их в горы, Хамра, прохаживая мимо лавок мясников, по отрезанным овечьим головам узнавал овец из своего стада».

По этой одной фразе узнаешь и характерную черту чужого быта и характер пастуха, презанного своему делу. Фразы взяты наугад, но и она сама характерна для стиля рассказов Эрберга.

«Сначала Мир-Шакар из осторожности прикрывал голову овчарки, но позже, при свете костра, гуртовому видели, как собака, облизывая своего щенка, лила слезы ребенка».

Как и должно быть, живописность рассказа, простота и ясность языка, тонкость диалогов, цельность композиции, другими словами, художественное исполнение рассказов радуют читателя не меньше, чем значительность и благородство их идейного замысла.

Итак — по большому, потом взять вправо. Так по правой руке и держи, прямо на мельницу...

Откуда это? Из каких воспоминаний вылезло? Действительно ли указал этот адрес сропщенный колхозник, один из тысяч, идущих по залочному светом проспекту, или это померещилось вдруг в этой электрической, ослепительной ночи выставки, — что-то из давнего, прочитанного в книжках, пережитого слышанного?.. Однако колхозник тотчас же пошел, растворился в толпе людей, потоком движущихся по сверкающей улице...

Действительно, мы идем в деревню.

Итак — по большому проспекту, пройдя главный вход, пройдя площадь Колхозов, павильоны Дальнего Востока и Арктики, держась все время правой руки, мимо каких-то павильонов и газонов, выйдя из полосы света и праздничной толпы в отшельный полумрак и свежесть дерев, нужно идти, держа на ветряк.

Мы идем к деревне. Пахнет уже коровами и ощущается какой-нибудь привальный омут у мельницы, спящий мост, поворот у часоенки, чувствуется уже лай собак; но его нет. Мы идем к необычной деревне: эта территория на выставке называется «Новое в деревне».

Здесь нет собак, зверей, вообще-то полезных, но нет заек, как известно, и клопов, и блох, нет бабок-попугаев и бабок-звончарок, нет сифилиса, нет безграмотности, многого чего нет, а есть ветряк — башня ветро-электросиловой колхозной установки.

Нужно выйти на ветряк, нужно пройти шворени и конюшни, осторожно обойти деревню вокруг, стать на пригорке у каменного тына, посмотреть на ярко освещенные окна сельской школы, правленческой колхоза, клуба, машинно-тракторной станции, — здесь стоять и немного осмот-

Хочется также привести несколько примеров острого наблюдательности и умения изобразить движение, жест, позу: «У клавишника был беззубый рот. И когда он говорил, его коротко подстриженные борода попрыгивала вверх, навстречу к шевелящемуся кончику носа. И тогда казалось, что его нос, согнутый орлиным клювом, старался упицнуть борода».

«По земле скользили тени низко кружившихся горных стервятников». «Земля ле в состоянии была вобрать в себя весь солнечный жар и отдавала его обратно. Воздух над землей заметно прожал, и сухие стебли травы шевелились, хотя и не было в нем малейшего признака ветра. Солнце нестерпимо жгло тыльную часть руки, державшей позу...»

Отличная способность видеть вещь сочетается с не менее цепной и важной способностью изображать. Но наиболее интересное из рассказов Эрберга заключается, на мой взгляд, в умении логично выразить сюжет рассказа, в умении легко и просто создать центр вещи.

В сущности говоря, сюжет — это художественная мысль произведения. Сюжет может быть и общее настроение, и логическая идея, и поступок героя, и больше или меньше общие события или происшествие. Сущностью художественного толкования предмета.

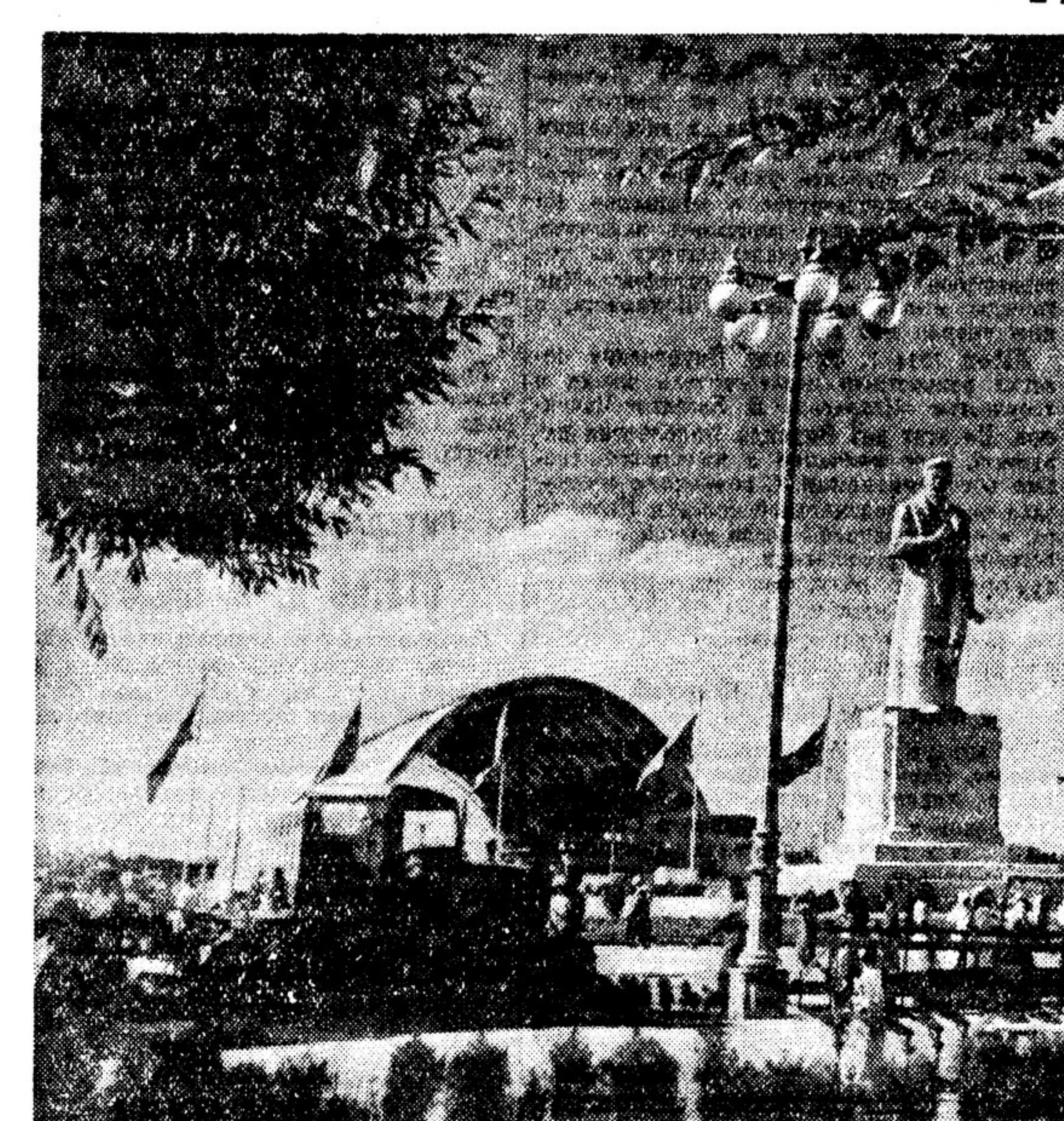
Особенно замечательным представляется мне способность выразить свою мысль через событие, происшествие или поступок, одновременно толкующие и жизненные отношения и мысль автора.

Этой способностью сочетать объективное с субъективным бесспорно обладал Олег Эрберг. Все три его рассказа построены как бы в доказательство этого положения: в благодарности за внимание бродачий светоблудливый артист дает среди пустыни представление, и эта сцена, превращаясь так печально, выражает настроение пелого народа; трогательный поступок афганского солдата в рассказе «На северных склонах Гиндукуша» и страшная история несправедливой смерти пастуха, история, излившие прощренная некоторыми необязательными деталями. Все эти сюжеты выбраны автором потому, что они выражают его чувства и мысли о человечности и справедливости.

В этом отношении рассказы Эрберга, несмотря на своеобразие их материала, глубоко лиричны, они познавательны в самом лучшем смысле этого слова. Общая художественная устремленность рассказов лишь способствует узнаванию частностей чужого, экзотического быта и странных чужих нравов.

Как и должно быть, живописность рассказа, простота и ясность языка, тонкость диалогов, цельность композиции, другими словами, художественное исполнение рассказов радуют читателя не меньше, чем значительность и благородство их идейного замысла.

Итак — по большому, потом взять вправо. Так по правой руке и держи, прямо на мельницу... Откуда это? Из каких воспоминаний вылезло? Действительно ли указал этот адрес сропщенный колхозник, один из тысяч, идущих по залочному светом проспекту, или это померещилось вдруг в этой электрической, ослепительной ночи выставки, — что-то из давнего, прочитанного в книжках, пережитого слышанного?.. Однако колхозник тотчас же пошел, растворился в толпе людей, потоком движущихся по сверкающей улице... Действительно, мы идем в деревню. Итак — по большому проспекту, пройдя главный вход, пройдя площадь Колхозов, павильоны Дальнего Востока и Арктики, держась все время правой руки, мимо каких-то павильонов и газонов, выйдя из полосы света и праздничной толпы в отшельный полумрак и свежесть дерев, нужно идти, держа на ветряк. Мы идем к деревне. Пахнет уже коровами и ощущается какой-нибудь привальный омут у мельницы, спящий мост, поворот у часоенки, чувствуется уже лай собак; но его нет. Мы идем к необычной деревне: эта территория на выставке называется «Новое в деревне». Здесь нет собак, зверей, вообще-то полезных, но нет заек, как известно, и клопов, и блох, нет бабок-попугаев и бабок-звончарок, нет сифилиса, нет безграмотности, многого чего нет, а есть ветряк — башня ветро-электросиловой колхозной установки. Нужно выйти на ветряк, нужно пройти шворени и конюшни, осторожно обойти деревню вокруг, стать на пригорке у каменного тына, посмотреть на ярко освещенные окна сельской школы, правленческой колхоза, клуба, машинно-тракторной станции, — здесь стоять и немного осмот-

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Площадь Механизации

Верико Анджапаридзе

Л. СЕВЕРОВ

«Главное отличие искусства актера от остальных искусств состоит в том, — говорил К. С. Станиславский, — что всякий другой художник может творить тогда, когда им владеет вдохновение. Но художник сцены должен сам владеть вдохновением и уметь вызвать его тогда, когда оно отсутствует на афише спектакля». Верико Анджапаридзе владеет вдохновением. Она никогда не повторяет себя. Ее работа в театре — непрерывное творчество. Ее свойственный великий дар фантазии, но фантазия, почтенная идее спектакля, идее целого. И недаром А. В. Луначарский сравнил Анджапаридзе с Комиссаржевской.

«В гостинице на всю зиму устраивались сцены. Дети играли взрослых и готовились к выступлениям, как взрослые. Зачитывали пьесы, пытались определить характеры, обдумывали мизансцены. Верико до сих пор помнит этот зал со сценой, споры о ролях в уголке обширного дома и атмосфера спектакля. В летские свои годы она упорно не хотела играть женщин. Выбирала комико-трагические мужские роли с наименьшим количеством сценок. Усердно мимовала. Пропя была, казалась, в крови актрисы. И в летство и в пошести ритмичность и легкость движений она прощюнтала «чувство». Этих может быть, и объясняется юное отношение к Московскому Художественному театру. «Все они возмущаются и страшно много чувствуют, но избыток чувств — не искусство, слишком сильно чувствовать — это даже не искусство», писала молодая актриса. «Как много стужено на сцене, — с безусловным отечает она, — и все актеры сылят, разговаривают и чувствуют».

Москва, школа при Малом театре под руководством Айларова. Эпоха расцвете символизма. Кругом — большая театральная жизнь. Отзвуки событий 1905 года. Серые книжечки «Скорпиона» были мовой. Верико в эти годы из вечера в вечер посылала спектакли с Шаляпиным. В актрисе ее больше других пелвила Ермолова. А для себя? Для себя — мечты о сценической судьбе Дузе.

Полная под руку том стихов К. Бальмонта. Верико прочитала стихи Бальмонта — да не где-нибудь, а на экзамене, в школе Малого театра. Бюст Островского и поэзия Бальмонта! Это было ужасно с точки зрения педагогов. Дерзость или дурной вкус? Педагоги постановили «исключить» за Бальмонта, прочитанного ритмически.

На счастье Верико, первый курс преподавал И. Н. Певцов. Предполагалось, что он поведет этот курс латини. Певцову не очень хотелось преподавать в школе. Но вот возник этот критический казус.

Нет, послушайте, ведь это же прекрасно! — сказал И. Н. Певцов. — Вы совершенно напрасно на нее рассердились. Анджапаридзе простили. И. Н. Певцов два года проработал с ней. Он готовил «Саломею» для Драматического театра. Мечтал о соавторстве «Музыкальной драмы». Идея синтеза искусства носилась в воздухе. Вокруг И. Н. Певцова толпились талантливая молодежь, театральные мечтатели, искатели нового — те, кому было тесно в рамках установившихся форм. «Саломея» казалась дверью в другой те-

атральный мир, совсем не похожий на мир Малого театра. *** Был грузинский вечер где-то на Поварской. В Анджапаридзе выступала. А. И. Сумбатов вдруг загорелся. — Школа? — нервно заговорил А. М. Сумбатов. — Довольно школы. Она вам ничего не даст. Хотите, вместе сделаем «Нору»? Или «Смерть Тентажля»? Везь это то, что вы любите... «Вот оно — пришло», — полумала Верико. Но с задорной и фанатической решительностью возразила Сумбатову: — Очень хорошо! Ибсен, Метерлинк, «Нора»... Но возь это все — на русском языке, на русской сцене. А я хочу на родину... Хочу играть свое, на грузинском языке... — Зачем же вы учитесь здесь? — Учуся, чтобы играть дома. — Дома? Но вы же знаете, что происходит? У нас ничего не делается. Везь вот погибает даже Лало Мохинишвили с его огромным дарованием. Национальный театр под запретом. Наше творчество не учились, а ликогда не научится серьезно относиться к искусству... *** В 1919 году режиссер парижского театра «Антуан» Георгий Джабадари организовал в Тбилиси студию. Он собрал вокруг себя молодежь — ту самую, которая сейчас составляет основные силы грузинских драматических театров: Василе, Ш. Гамбапидзе, Тамара Чавчавадзе, Жялиа, кинорежиссер М. Чинаурели, кинорежиссер Геловани — все они получили артистическое воспитание в студии Джабадари Театральной коллекции, индико, преподавателя Джабадари чем-то вроде мастерской художника эпохи Возрождения. Студия, по тбилиским масштабам, была необычайно многолюдна: в ней собралось около шестидесяти человек.

Работали над пьесой Сарку «Религия». Сначала в Тбилиси, потом в деревне Сагарелжо, в Кхети. Равнины Гаре-Кхетини; саны, почти лишние тени; невдалеке от белого дома с террасой на деревянных столбах гигантская крона орехового дерева, с его вежюнахущей листвой. Работали обычно не в доме, а под этим ореховым деревом. Делали эскизы. В начале осени 1920 года сыграли «Религию» в оперном театре Тбилиси. Спектакль не был доделан. После превосходно разработанных первых актов шла наскоро сколоченные сцены. К концу спектакля настроение артистического зала резко упало. Театр Джабадари очень много обещал, но обещаний не выполнял.

По о В. Анджапаридзе заговорили как о «восходящей звезде в грузинском искусстве». *** В меньшевистские времена грузинский театр пришел в упадок. Студия Г. Джабадари распалась, и новая театральная организация с участием режиссеров Пагава, Нуцубаева и др. резко изменила намеченный их предшественником путь. Театр погибал. У него не было ни системы, ни еди-

ного стиля, ни проуманного плана, ни связей с революционной общественностью. Так пропали 1921 и 1922 годы. И вступил К. А. Анджапаридзе с блестящей постановкой «Овечьего источника» Лопе де Вега.

«Игра интересна» Принаенте, «Герой» Сипа, потом еще пеллий ряд записанных и современных пьес. Это — пора артистического созревания Анджапаридзе. Актриса упорно работает над голосом, над талом. Она тщательно готовится к каждой новой роли.

Голос у Анджапаридзе небольшой, глуховатого тембра. Она отчаив себя в этом отчий. «Не надо бояться собственных слабостей — они не страшны, если у тебя есть хоть что-нибудь, кроме этих слабостей», — говорит она, с особой тщательностью отыскивая замаскированный образ.

Работа над Офелией с К. А. Марджанишвили впервые обнаружилась в актрисе пезауряющую индивидуальность. Марджанишвили был беспощаден и нетерпим в работе. В Анджапаридзе — упорна и своеловна. Марджанишвили построил спрну сумасшествия Офелии на смехе. Актрисе никогда не давался смех, к тому же она тольковала Офелию по-иному.

Приготовилась дома — как всегда, не вслуш, а «я уме». Репетиция. Марджанишвили рассердился, но репетицию не прекратил. А когда Верико окончила, пожелал, поднял на руки, поцеловал. Верико иронически, чуть-чуть педоуменно, признавалась ему: — Когда вы в прошлый раз говорили б том, как надо играть Офелию, я уже знала, что надо все совсем наоборот... Офелия по-настоящему любит Гамлета. Любовь ее связывается в необычайной жалости к Гамлету, потому что он и в самом деле не вполне нормален. — Во всяком случае с точки зрения тех, кто создал жизнь вокруг него и господствует в ней. Гамлет — несчастный человек, или уже во всяком случае не счастливый...

«Урнали Агосты» справилило считалось одним из лучших мостжений театра Марджанишвили. Верной спутницей Урнали в мятеже и смерти была трагически-замучившая Юлифа в исполнении Верико. Копей пьесы был поставлен Марджанишвили как мезотрама. По лирическому таланту Анджапаридзе нарушил замысел режиссера. Смерть Юлифа проста, ясна, неотвратима.

В «Гон-ля» она играла танпошину. Вальметейстер пытался сделать вставкой номер из этой роли. По Верико нашла ей свое психологическое истолкование. В памяти зрителей налоло осталась Верико в роли Лезомони. Юная, ликующая, самозабвенная жизнерадостность придала глубокому трагичности игре актрисы.

В Анджапаридзе мечтала повторить свою Юлифу в Государственном Ереванском театре. Но одновременно ее привлекала московский Реалистический театр, созданный предельную близость между актером и артистическим залом. Охлопков поставил «Мать» М. Горького. — Верико сыграла роль Софи Андреевны.

«Встретили меня здесь, в Реалистическом театре, изумительно, и лучше всего, теплее всего — товарищи актеры». Роль улаася. Охлопков полумала б «Жанне д'Арк» Брехта, хотел сделать в Анджапаридзе Татьяну в «Евгения Онегина».

Роли эти ей сыграть не удалось. Актриса вернулась обратно в Тбилиси. Последние ее работы — графиня в «Жюльетте Фатаре», Луиза в «Коварстве и любви» и одна из героинь «Искры» Ш. Лагани. Москвичи увидят ее в двух последних пьесах.

видели мы из окон вагонов, с пыльных российских дорог, узнавали на картинах русских художников.

Пейзаж идет на слом. Он еще не принял новых форм, не устоял, не стал органичен. Сейчас еще характерны колокольни без крестов, с красными флагами, церкви, переделанные в клубы. Но в этом была эпоха ломки, и пейзаж тоже насильственно ломался. Заптра парви станут родеть, потом исчезнут.

Появились парашютные вышки, кереванные башни, как пожарные каланчи, без форм и пропорций, — они вырастают пока как нечто временное, как первый дерзкий вызов небу. Они вырастают во многих селах, станицах, аулах. Потом люди любовно украсят их, усовершенствуют в смысле формы, люди захотят украсить свой пейзаж.

Отличное двухэтажное здание сельской школы, построенное на территории «Новое в деревне», увидят люди и уже видят, проезжая полями Харьковщины, стенами Лопта, лесами Белоруссии. Из-за пригорка высятся отдаленная silhouette башня, как та, что построена на выставке. Из-за зелени дерев закрываются привлекательные респичные верхи домов. И человек уже ничего не будет помнить о соломонных крышах...

Уже совсем ступилась ночь над деревней, и улицы ее опустели. Опустел совет, опустели правления артелей, почта, клуб и даже роляльный дом с близанной спонх стен и позупок; здесь никто не ромаст, это только выставочная деревня. Образец. Не для употребления. Но хочется представить: вот роляльный дом заработка, закрывали леги, дети завтрашнего яна, вот они выпили гурьбой, рассыпались по деревне, наполнили разговор и смехом школу, клуб, мастерские, лабораторию и улпы необъяснимой терени, ее заветные закоулки, ее обжитые углы. Какие новые мысли, какие новые чаяния, какие новые любви наполнят и осветят эти дома и улицы!...

Мы знаем, что дело — в господстве социализма и в коллективизации. Они переделывают и человека. Нужно суметь в этого человека пристально взглянуться, узнать и перелать тот новый свет, который его освещает.

Литературная газета № 45

реться... Поздний вечер, почти ночь. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, тысяча девятьсот тридцать девятый год. Сзади — огни, шум толп, иллюминация, роскошно оформленные павильоны, аллеи, статуи и кафе. Перед нами — путь в деревню... Сквозь описание их, везло в деревню, в русской литературе у Радинева, у Пушкина, у Гоголя, Некрасова, Успенского, Бунина... Но собаки не гавкают. Из послеполовато окраинного окошечка не смотрит на вас испуганно влово-солдатка, над сумрачной толпой покосившихся избушек не высится силуэт церковной колокольни. И, пожалуй, даже жалко, что не гавкают собаки, не смотрит солдатка из окошечка, не высится церквушка; жалко — в порядке производственного: может быть, это и не нужно для выставки и выходит за пределы ее задач, но иногда хотелось бы, чтобы здесь вот, рядом с новой деревней, с ее колхозными амбарами и каменными конюшнями, электрическими фонарями и автопарком, электрическим насосом, электрической насосной, выросла настоящая, колхозная, старая «показательная» и «образцовая» деревня: с каменом, с поповским домом, с господской усадьбой на пригорке. Чтобы кабатчик стоял у дверей с пелочкой на пузе, чтобы свиньи жили в одной избе с людьми, на одном земляном полу, чтобы дюжки и лубяницы, засажженные мухами картинки висели в красном углу, чтобы в избе горела лучина, чтобы барин ехал на охоту с десят-

ком егерей и полсотней гончих псов, чтобы измученная влово шла к богатому под окошко выпрашивать горсть муки... Какая глубокая разная картина вырелена была бы в этом соседстве двух деревень.

«Новая деревня» на выставке, конечно, не есть воспроизведение какой-то олой существующей деревни. Постройки в значительной степени — типизированные проекты, то, что уже есть кое-где, что должно быть и несомненно будет всюду. И в этом — огромная обучающая, воспитывающая сила. Это — деревня завтра.

Но в то же время это не просто деревня, выдуманная какими-то проектирерами, бумажными мечтателями. Совсем наоборот: это, что тут есть, это уже есть. Там, в одном колхозе, есть вот такие конюшни, а там, в другом колхозе — вот такой клуб, в третьем — такое пожарное депо. Скорее — это собрательная средняя советская деревня; и если сегодня в колхозе, обладающем клубом, нет еще такой школы, то она уже строится или будет построена. Значит, это — деревня сегодня.

Выходите в чистый каменный дом правления сельхозартели, и вас встречает председатель артели ин. Андреева Красноларского края тов. Зубков. Это настоящий, живой председатель живого колхоза, существующего на нашей советской земле. Сейчас его кабинет перенесен сюда, на территорию выставки. Тов. Зубков занят тем, что рассказывает беспрерывно под-

ступавшим к нему колхозникам-делегатам о достижениях своей артели. Но это не шутка; здесь не туристские экскурсии; колхозники подступают к карантинам, блокнотами и просят выложить все честно-честно. О трудностях, об организации труда и учета, о процентах, о нормах. У председателя вмакает лоб.

Вы на пылочках выходите из кабинета, через комнату счетовода, чтобы не мешать, это тоже живой и настоящий счетовод. Затем через настоящую, работающую, прекрасно оборудованную хату-лабораторию выходите на улицу.

Стадо еще темнее. Звезды над деревней загляны еще ярче. Но не до них; идут люди по улицам, идут группами, в оилочку, в пиджаках, в халатах, размашисто, деловито; заходят в МТС, в МТМ, в школу, в почтово-телеграфное отделение деревни; они работают, прищипывая письма и телеграммы. Все здесь работает, сею живит. В конюшню конфермы колхоза «Червоный Довенек» коневод Козловский заводит коней после прогулки. Бони тоже настоящие; тут уж полагать не может, лошади не запрокинуты на бумаге, идут, выкают, машут могучими хвостами, все — красавцы, все на подбор, все из одного колхоза.

Успокаиваются коровы в павильонах и загонах различных колхозов, усредняются свины, куры, петухи, овцы... 212 лошадей, 305 свиней, 19 коз, 12 мулов, 9 верблюдов, 36 оленей. Укладываются

«Тукай»

В новой пьесе татарского поэта Ахмеда Файзи, принятой к постановке Татарским и Башкирским академическими театрами, показаны наиболее важные моменты короткой, но богатой событиями жизни татарского народного поэта Габдуллы Тукая и его трагическая гибель.

Мы помещаем отрывок из первого акта пьесы. Действие, развертывающееся в первом акте, относится к 1906 году. Тукай работает корректором в типографии Карим ба в г. Уральске. Молодой поэт активно участвовал в революции 1905 года, писал политические статьи, призы-

вающие народ к восстанию против самодержавия, организовывал забастовку рабочих типографии. Владелец типографии выгоняет Тукая с работы. Поэт едет в Казань, чтобы вернуть борьбу против царизма на более широкой общественной арене. Перед отъездом в Казань (куда он едет впервые) он прощается с городом Уральском, где он провел юность, с друзьями наборщиками. Татарский и Башкирский академические театры открывают театральный сезон 1939/40 года постановкой пьесы «Тукай».

ТУКАЙ.
Прощай, мой стол!
С тобой не свихнусь вновь я.
Я здесь писал все ночи напролет.
И часто сердце обливалось кровью...
О, мой родной, униженный народ!
Прощайте вы, безмолвные друзья,
Перо мое,
Чернильница моя.
Лишь вы тепленькие сердца утешали,
Лишь вы оспаривали, отмечали
Те капли крови,
Что выливал я в стих.
Прощай, тетрадка,
Полная печали,
И горьких жалоб, и стихов моих.
Прощай, Уральск!
Пора мне в путь-дорогу.
Певец идет к своей родной стране.
Хороших дней ты мне дарил не много,
Но крылья песен поларила ты мне.
И вы, друзья-наборщики, прощайте,
Вы ближе мне, чем кровная родня.
Тукай ликом вы не поминайте
И не сердитесь, братья, на меня!
(Один из друзей Тукая — Авхадий быстро подходит к Тукаю, обнимает его, плачет.)

НАБОРЩИК ЗАЙНИ.
Друг Габдулла,
Ты не покинешь нас,
Пусть бай сердит.
Мы бастовать готовы.
Мы тебя работу бросим хоть сейчас.
И примет бай тебя на службу снова.
Друг Габдулла,
Не уходи от нас!

ТУКАЙ.
Меня, друзья, не надо защищать.
Вы за себя боритесь против бая.
А я лишь рад, что бая покидаю.
Я так хотел.
Мне нечего терять.
Нет, не с работы сняли здесь меня,
С меня зовы рабской жизни сняли...
Что, кроме унижений и печали,
Приобрел на байской службе я?
Я ужою.
Казань рукой мне машет,
Казань зовет:
— Приди, мой сын-поэт!
Вот письма.
В них меня зовут Ямашев,
Галиаскар Камал,
и Кулахмет.
На пир свободный долгожданным гостем
приду к друзьям,
как сверстник и поэт.

1 Ямашев — первый татарский большевик.
2 Галиаскар Камал — крупный татарский драматург.
3 Кулахмет — первый пролетарский драматург.

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»

Журнал открывается серией статей, посвященных 150-летию Французской буржуазной революции. В этом разделе даны статьи: А. Молока — «Борба за свержение монархии во Франции», Ф. Хельфенз — «Жиродинский Ковет», С. Фряно — «Борба течений в лагере якобинцев», М. Буковенко — «Воинская революционная Франция против контрреволюционной интервенции», А. Преснова — «Французская буржуазная революция и русская общественная мысль», И. Иоффе — «Карикатуры Французской революции» — краткая статья, иллюстрированная шестью карикатурами.

25-летию первой мировой империалистической войны посвящены статьи: В. Христова — «Возникновение первой империалистической войны» и М. Струве — «Ход первой мировой империалистической войны» — очерк военных операций 1914—1918 годов, в котором по датам и отдельным фронтам даются фактический материал о боевых действиях всех армий.

230-летие Полтавского боя освещено в статьях: В. Плотницкая — «Разгром шведских захватчиков» и М. Рабинович и И. Линиченко — «Документы о Полтавском бое» — в статье приводится текст некоторых подлинных документов, сведения об изданной Петром I в 1713 году «Книге Марсово» и отрывок из нее.

Кроме того, в журнале — разделы: «История в школе», «Консультация», библиография, хроника и книжная полка. В книжной полке, наряду с другими, даются сведения о вновь вышедших книгах по вопросам военного искусства — И. Левитского, Г. Дельбюша, Клаузевица, В. Попова, И. Корсуня и недавно вышедшие книги о революции и контрреволюции во время первой империалистической войны 1914—1918 годов.

«СОВЕТ ЭДЕБИЯТЫ»

В № 5 журнала «Совет Эдебияты» (орган союза советских писателей Туркмени) помещена новая пьеса Базад Аманова «Зухра-Ташыр». Сюжет пьесы автором заимствован из одноименного романа великого классика туркменского народа Молла-Негеса. Здесь же даются статьи Ахундова о творчестве Молла-Негеса и значении романа «Зухра-Ташыр» для туркменского народа.

В отделе поэзии — стихотворения: народного поэта-орденоносца Дурды-Клыча — «Красная», Ашира Дурдыева — «Красная Армия», переводы двух стихотворений азербайджанского поэта Алекберова.

Жаль, что в номере вовсе нет критических статей.

К ЮБИЛЕЮ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

КНЕВ. (От наш. корр.). Для подготовки и проведения 125-летия со дня рождения М. Ю. Лермонтова на Украине превалиют союзы советских писателей Украины утвердил состав Юбилейного комитета под председательством поэта Николая Ушакова.

Для перевода произведения Лермонтова на украинский язык привлекаются лучшие украинские поэты. Уже переведено свыше трех тысяч строк.

Литературная газета № 45

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Группа летчиков Осоавиахима, участников Дня авиации, в Москве на выставке. Фотохроника ТАСС.

НА ВСЕСОЮЗНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫСТАВКЕ ПОКАЗ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На сельскохозяйственной выставке посетители увидят лучших представителей художественной самодеятельности национальных республик.

На-днях в Москву приехал колхозный ансамбль песни и пляски Узбекистана. Коллектив состоит из 200 человек, он объединяет лучших певцов и танцовщиков 67 колхозов. Руководитель ансамблем заслуженный артист Узбекской ССР, орденосица Ятым Вабаджанов. Узбеки будут исполнять танцы и песни уйгурских сапаллистов, хорезмские и бухарские народные пляски, классические народные песни «Баят» и «Бог-ара».

Ансамбль покажет также театрализованную постановку народного колхозного праздника «Счастливый кышлак» (доброту писателя-орденоносца Сабир Абдулла).

Прибыли лучшие представители колхозной самодеятельности Белоруссии (220 человек). Этот коллектив под руководством балетмейстера Касьяна Голейковского покажет инсценировку «БСР» — форпост Советского Союза на западной границе» и массовый праздник в колхозах Белоруссии.

8-го в столицу приезжают 160 участников самодеятельного колхозного коллектива Таджикской ССР. Они выступят на выставке с большой концертной программой, в которой будут показаны производственные танцы «Сбор хлопка» и «Сюзан», а также памирские танцы.

23 и 24 августа на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке состоится показ колхозно-совхозных самодеятельных коллективов. Программа выступлений объединена единым сценарием, который написал поэт В. Гусев и заслуженный артист РСФСР С. Алексеев.

Сюжет сценария — праздник в колхозе по случаю отъезда лучших людей на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку и встреча колхозников в столице с москвичами.

Поэты А. Сурков, М. Исаковский, В. Гусев, М. Гальперин, Я. Родионов, композиторы К. Листов, Е. Жарковский, Д. Васильев-Бугай, М. Коваль и др. написали песни и музыку на сюжет сценария. Постановщики спектакля — режиссер Малого театра С. Алексеев, режиссеры Д. Коробов и М. Сен. Оформление постановки поручено художнику В. Рындицу, А. Андрейки и С. Ахмедьяни.

Для участия в празднике самодеятельности третьего дня в Москву приехали 400 колхозников из 19 районов Московской области. Здесь — хоры и хореографические коллективы, оркестры народных инструментов, чтецы, плясунки, певцы, рожечники, звукоподражатели.

«ЛЕЛО»

На диспуте в колхозе им. Л. Берия

Грузинский писатель Александр Чейшвили пришел в литературу недавно. Автор нескольких художественных очерков о Сванетии и Кхети, он в конце прошлого года выпустил первый большой роман «Лело», рисующий жизнь и быт колхозников советских субтропиков.

Роман повествует о зарождении и росте одного грузинского колхоза. Автор изображает колхозную молодежь, ее труд, борьбу. Главные герои романа — комсомолец Кийшварди, девушка — сборщица чая Цицино, сын кулака Сильбиство, их сверстник Бондо.

Появление романа «Лело» нашло живой отклик у читателей. Недавно в колхозе-миллионере им. Л. Берия (с. Натанеби Махарадзевского района) состоялся литературный диспут, который привлек свыше 300 колхозников и представителей сельской интеллигенции. На обсуждение романа приехали колхозники соседнего колхоза субтропических культур им. С. Орджоникидзе.

Участники диспута отметили большую ценность романа «Лело», реалистически передающего героико-колхозную жизнь.

— Когда читаешь роман А. Чейшвили, — говорил председатель колхоза им. Берия, депутат Верховного Совета ССР Грузии Д. Джаба, — перед глазами встают люди, с которыми ежедневно встречаешься в работе. Роман написан с глубоким знанием

советской деревни. Правильно изображены в «Лело» враги колхозного труда. Нам и сегодня приходится встречаться с лихим, бойким, пронырливым Сильбиство. Хорошо показаны и методы, которыми пользуются враги — Колсапа, Сильбиство, Эльбар — для достижения своих целей.

Очень понравился мне герой романа техник Иосиф — честный, неподкупный советский интеллигент. Такого человека не могут свести с пути ухищрения Сильбиство, он не изменит своим интересам.

— Роман «Лело» — это кусок живой действительности, — говорит педагог Т. К. Начкебия. — В художественной форме показаны проделки Сильбиство, ухитряющегося овладеть колхозной землей.

Героев романа «Лело» можно встретить в любом колхозе. Об этом говорили все выступавшие на диспуте.

— Когда я читал этот роман, — сказал колхозник-комсомолец Ш. Сариншви, — то у меня создалось впечатление, как будто писатель стоял рядом с нами и сам активно участвовал в работе наших бригад.

Обсуждение романа «Лело» состоится в ближайшие дни в колхозе им. Сталина Колхетского р-на, с Хуцубани.

Роман «Лело» выходит в Грузии вторым изданием. А. Чейшвили работает сейчас над второй книгой романа.

В МИРЕ КНИГ Книга с автографом Н. А. Некрасова

Всем известно одно из предсмертных стихотворений Некрасова, посвященное «Зине»:

Двести уж дней,
Двесть ночей
Муки мои продолжаются...
Настоящее имя «Зины» было — Фекла Анисимовна Викторова, но поэт называл ее Зиной, Зинаидой Николаевной; так называли ее и все окружающие Некрасова сблизившись с ней, когда ему было около 50 лет, а ей — 18. Он горячо полюбил эту простую, почти безграмотную женщину, ставшую его верной последней спутницей. Она самоотверженно проводила бессонные ночи у постели мучительно умирающего поэта. Боясь заснуть и не услышать стона больного, она зажигала свечу и упорно смотрела на огонь, стараясь отогнать сон.

27 декабря 1877 г. Некрасов умер. Зинаида Николаевна за время его болезни из цветущей женщины обратилась в старуху. Под влиянием горя, неприятностей с родственниками поэта (некоторые из них не могли примириться с тем, что незадолго до смерти поэт, неожиданно для всех близких, обвенчался с Зинаидой Николаевной) в сознании ее наступил резкий перелом: она перешла в бегство и покинула Петербург. Уехала она в Киев, потом в Одессу и, наконец, окончательно поселилась в Саратове. Саратовские балетисты, кулаки-свиноторговцы, ловко обобрали доверчивую им женщину. Она доживала свои дни в бедности. Литературный фонд назначил ей пенсию в 600 рублей в год. Нарекла, к юбилею Некрасовым дням, ее навещали сотрудники музея, стараясь узнать от нее что-либо новое, неизвестное о Некрасове. Но Зинаида Николаевна держалась замкнуто, на вопросы не отвечала. Одному из интервьюеров она с горечью сказала: «Мне тяжело мысли о прошлом. Помню, еще с ним умерло мое все».

Летом 1914 г. Зинаида Николаевна посылает ревностный исследователь жизни и творчества Некрасова В. Евгеньев-Максимов. На этот раз Зинаида Николаевна нарушила свое молчание и поделилась своими воспоминаниями. С волнением рассказала она о предсмертной болезни Некрасова, о его последней — после долгой сорной — встрече с Тургеневым и показала бережно хранимую ею реликвию: том стихов Некрасова с надписью:

Милому и единственному другу моему Зине
Н. Некрасов.
12 Января 1874.

25 января 1915 г. Зинаида Николаевна умерла. Бережно хранившаяся у нее книга с личными автографом Некрасова отдалась в 1920 г. на рынок в Саратове. Там книгу случайно увидел московский коллекционер доктор А. П. Савельев и попорочил приобрести ее. В 1931 г. Савельев продал свою библиотеку, в том числе и эту книгу Некрасова, «Книжный лавке писателей» в Москве. Отсюда книга с автографом Некрасова перешла в библиотеку одного московского писателя.

ПЕРЕД ЮБИЛЕЕМ «ДАВИДА САСУНСКОГО»

13 августа в союзе советских писателей под председательством А. Фадеева состоялось совещание, посвященное подготовке к юбилею великого армянского эпоса «Давид Сасунский».

На совещании обсуждались тезисы докладов об эпосе, подготовленных к пленуму ЦСП СССР, который состоится в сентябре в Ереване.

Были обсуждены тезисы вступительного слова М. Араби, докладов академика И. А. Орбели, Д. Демичрчяна и В. Кирпотина, выступление М. Лозинского и планы выступлений Ст. Зоряна и А. Исаакяна.

КНЕВ. (От наш. корр.). Репрезентативная коллегия в составе П. Тычины, Л. Дмитрика и А. Сороки слала в печать переводы на украинский язык полных текстов знаменитого армянского эпоса «Давид Сасунский».

Над переводом работала большая группа украинских поэтов, консультируемая приехавшими в Киев армянским поэтом С. Торонци.

Поэма в роскошном иллюстрированном издании выйдет к юбилейным дням «Давида Сасунского» в Государственном литературном издательстве Украины.

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ Д. И. ПИСАРЕВА

Государственное издательство «Художественная литература» выпускает в ближайшие дни в серии «Школьная библиотека» избранные литературно-критические статьи Д. И. Писарева.

В книге помещены статьи: «Г. Гейне», «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти», «Революция», «Роман Кисейной девушки», «Пушкин и Белинский», «Разрушение Петербурга», «Масляная пролетария».

Книге предпослана вступительная статья В. Я. Кирпотина. Редакция Н. Ф. Вельчикова и В. Я. Кирпотина.

ДВУХТОМНИК В. КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Издательство «Советский писатель» выпускает в ближайшие дни «Лирику и поэмы» поэта-декабриста В. Кухельбекера.

В книгу вошло основное собрание лирики и большая часть поэм: «Кассандра», начало поэм о Грибоедове, отрывки из поэм «Давид», «Зоранель», «Юрий и Ксения», «Сирота», «Семь спящих отроков». Значительная часть произведений, включенных в книгу, публикуется впервые.

Государственное издательство «Художественная литература» в ближайшие дни выпускает сборник статей фольклорной секции Ленинградского отделения союза советских писателей — «Советский фольклор». В сборнике помещены работы: М. Азбуковского — «Новый фольклор», В. Бялика — «Горький и наука о фольклоре», А. Дымшица — «Ленин и Сталин в фольклоре народов СССР», А. Астахова — «Русский героический эпос и современные былинники», Г. Владимировского — «Певцы Сталинской эпохи», В. Абрамкина — «Фольклор гражданской войны», П. Каленкова — «Новая сказка», И. Эвентова — «Советская песня», Л. Шенгаева — «Советская частушка» и Н. Андреева — «Фольклор и антирелигиозная работа».

Книга является первым томом двухтомного произведения Кухельбекера. Во втором томе будут помещены драматические произведения.

Письма в редакцию

1. Уважаемые товарищи! Я должен извиниться, если не перед читателями, то перед тов. Я. Рыкачевым, поскольку я невольно вел его в заблуждение. В своей статье в «Литературной газете», «Путешествия Джонатана Свифта», посвященной моей книге, т. Рыкачев между прочим пишет:

«В книгу воюющей чудесный отрывок: письмо юной миссис Пилкингтон, в котором она описывает свою встречу со старым Свифтом. Эта изысканная и наивная болтовня гораздо больше дает для понимания жизни Свифта, чем десятки страниц и комментариев Левидова... что не открылось многоопытному знатоку Свифта, то открылось младшему. Не является ли эти липшим доказательством истины, что искусство — кратчайший путь к познанию зеленого древа жизни? А письмо миссис Пилкингтон, без всякого сомнения, должно быть отнесено к области искусства».

Тут необходимо заметить, что евангельская конщация о младенцах, коим открыта истина, подтвержденная многоопытным моим критиком, оказалась несостоятельной — увы — и в данном случае. Дело в том, что «документа», о котором так торжественно говорит т. Рыкачев, в природе не существует, или по крайней мере не существовало до момента, как я его составил: «Письмо миссис Пилкингтон» написано мною тем же методом «скрытого монтажа», по выражению Рыкачева, как и вся моя книга, т. е. путем сочетания исторического, биографического и мемуарного материала с авторским — моим — домислом и вымыслом. Рыкачев мог, конечно, не знать или не догадываться об этом в отношении этого отрывка, но не моя вина, а его беда, что в связи с этим его промахом статья его, построенная на противопоставлении этого отрывка всей остальной книге, несколько теряет в своей убедительности. В заключение я должен все же поблагодарить т. Рыкачева за его лестные, по-моему слишком лестные, высказывания об этом отрывке.

2. Прежде всего, т. Левидов, статья моя построена не на противопоставлении письма миссис Пилкингтон «всей остальной книге», а на критическом анализе всего вашего текста. Письмо миссис Пилкингтон послужило лишь одной, частной цели: противопоставлению подлинного искусства — искусству сомнительному. С таким же успехом мог я противопоставить вашему тексту любой другой отрывок любого другого автора.

3. Противопоставление письма миссис Пилкингтон остальному вашему тексту, даже если это письмо сделано вами методом «скрытого монтажа», или даже, если бы оно просто было создано вами как художником, — остается, конечно, в полной силе и лишь приобретает теперь новое, разительное качество. В самом деле, если вы, путем сочетания исторического, мемуарного и биографического материала смогли «составить» (ваш термин!) этот малюнький шедевр, почему не оказались вы на высоте своих возможностей в остальном тексте вашей книги о Свифте, сделанной, по вашим словам тем же методом? Впрочем, в настоящее письмо этот вопрос, уходящий в дебри психологии творчества, имеет характер риторический.

4. Всякая полемика, чтобы не идти на хвостом ходу, требует величайшей точности формулировок. Иначе, возникнув в результате недоразумения, она и далее будет ллдить их в несметном числе, и обилие полемикам грозит участь параллельных линий, которые, как известно, пересекаются лишь в бесконечности. Допущенная вами неточность заключается в данном случае в том, что вы, начав полемику по поводу «письма» миссис Пилкингтон, не сочли нужным с совершенной точностью указать, что именно в этом письме принадлежат вам и что — материалу. Иначе: в какой мере оно является творческим преобразованием материала, и в какой — монтажным «переводом» из одной литературной формы в другую. Это не позволяет мне измерить глубину моей иллюзии, а также установить для себя критерий наших возможностей как художника.

5. В публичной полемике, возникшей по частному вопросу, выделенному из вопроса общего, самая полемическая интонация может дать читателю повод для ложного суждения. Поэтому в дополнение к вышесказанному я считаю нужным отметить: при все хвосты крупнейших недочетах, ваша книга, на мой взгляд, как я уже указал в своей статье, обладает рядом существенных достоинств. Мне кажется, что моя статья, при всей ее определенности, направлена не против вас, а за а и у ш е в в а с: за писателя талантливого, честного, работоспособного, с широким кругом интересов и — думаю — возможностями.

Я. РЫКАЧЕВ.

«ВПЕРЕД, КОМСОМОЛЬСКОЕ ПЛЕМЯ!»

Под таким названием издательство ЦК ЛКСМУ выпустило литературный альманах, посвященный 20-летию ленинско-сталинского комсомола Украины.

Альманах открывается поэмой М. Валаха «Мать».

Отрывок из романа Л. Первомайского «Молодые братья» рисует борьбу комсомола с кулачеством.

В стихотворении С. Головановского «Поставь именина» дан образ выдающегося венгерского писателя-антифашиста Матэ Залка — генерала Юлача.

В сборник вошли также стихи: М. Миронен, В. Соколяк, Л. Дмитрика.

Из прозаических произведений следует отметить рассказы: И. Ле — «Лей владеть отним рик» и В. Горина — «Русый парень».

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ТЕАТР КОМЕДИИ В МОСКВЕ

Завтра, 16 августа, в помещении знаменитого театра сада «Эрмитаж» начнутся гастроли Ленинградского государственного театра комедии. Театр покажет свою новую постановку — пьесу Д. Пристли «Опасный поворот». Режиссер спектакля — Г. Коэнштейн, художник — Н. Акимов. Из старых спектаклей театр покажет «Двенадцатую ночь» в постановке и художественном оформлении Н. Акимова и пьесу В. Шварцкина «Весенний смор» в постановке С. Юткеница.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛЮШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСКУССТВО»

ДОВОДИТ ДО СВЕДЕНИЯ заинтересованных организаций и лиц о том, что с 1 ИЮЛЯ с. г. ВЫХОД В СВЕТ ЖУРНАЛА «НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО» ПРЕКРАЩЕН. Со всеми претензиями необходимо обращаться в Ленинград по адресу: Москва, Петровка 10, помещение 58, Издательство «Искусство». Претензии, предъявленные после 31-го августа, рассматриваться не будут.

НАРКОМПИЩПРОМ СССР

Газетарраррер выустит! Освежающее

Освежающее